

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTŅU INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2014*”
materiāli
(2014. gada 17.–18. oktobris)

I DAĻA. SOCIOLOĢIJAS AKTUALITĀTES

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2014*”
(17th–18th October, 2014)

PART I. ISSUES OF SOCIOLOGY

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS “SAULE” ~

2015

Apstiprināts DU Humanitāro un sociālo zinātņu institūta Zinātniskās padomes sēdē 2015. gada 14. septembrī, protokols Nr. 7.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences "Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2014" materiāli. I daļa. Socioloģijas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2015. 124 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors

Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)

Doc., Dr. paed. **I. Ostrovska** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)

Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. **A. Vorobjovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (sociālā psiholoģija)

Asoc. prof., Dr. iur. **J. Teivāns-Treinovskis** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (tiesību zinātne)

Doc., Dr. oec. **L. Aleksejeva** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Prof., Dr. hab. oec. **V. Kosiedovskis** (Nikolaja Kopernika Universitāte Toruņā, Polija)

Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu Centrs, Lietuva)

Pētniece, Dr. psych. **M. Ņesterova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Prof., Dr. sc. soc. **M.J. Schouten** (Koviljas Universitāte, Portugāle)

Dr. iur. **M. Potapovs** (Novosibirskas Valsts Tehniskā Universitāte, Krievija)

Prof., Dr. oec. **J. Vankeviča** (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)

Prof., Dr. iur. **V. Zahars** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

Vadošā pētniece, Dr. oec. **V. Boroņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Prof., Dr. sc. soc. **S. Partycki** (Ļublinas Katoliskā Universitāte, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautiskās zinātniskās konferences (2014. gada 17.–18. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārzemju sadarbības augstskolu zinātniskie raksti socioloģijas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the databases: / Включён в базу данных:

Electronic Journals Library of University of Regensburg.

ISSN 2255-8853

ISBN 978-9984-14-734-5

© Daugavpils Universitāte, 2015

SATURS

<i>I. Jurgelāne</i> (Latvija)	
Lifelong Learning Trends in Latvia and in the World	5
<i>I. Kāposta</i> (Latvija)	
Educational Institution – Human Resource Quality Improving Facility in the Context of Regional Development	20
<i>A. Makštutis</i> (Lithuania)	
The Strategy of National Security in Lithuania	31
<i>S. Partycki, E. Sikora</i> (Poland)	
Relational Bonds in Cyberculture	39
<i>K. Reima</i> (Latvija)	
Sociālo investīciju pieejamība bērniem pirmsskolas vecumā Vidzemes reģionā	50
<i>U. Soler</i> (Poland)	
European Programs of Human Capital and their Role in the Development of Regional Competitiveness. On the Example of Poland	57
<i>В. Воронов</i> (Россия)	
Бедность и богатство в современном обществе: сравнительный анализ	64
<i>Я. Дашина</i> (Россия)	
Наркотизация населения в России и Латвии как проявление девиантного поведения	77
<i>В. Меньшиков</i> (Латвия)	
В поисках среднего класса	84
<i>А. Шевякова</i> (Республика Казахстан)	
Особенности социально-экономической стратификации в республике Казахстан	99
Ziņas par autoriem	118

LIFELONG LEARNING TRENDS IN LATVIA AND IN THE WORLD

Lifelong learning is learning activities undertaken throughout a person's life and enabling each citizen to improve their qualification or acquire a new one according to the labour market demands, one's own interests and needs. In the article the author addresses the role of lifelong learning in Latvia and worldwide due to the increasing importance of lifelong learning in the life of each individual. In Latvia it was not before 2006 that a debate started on the role of lifelong learning, its goals and ways of implementation. The study indicates it is time that Latvia like other countries (e.g. Nordic countries) started the implementation of strategies set by the documents concerning lifelong learning. Moreover, an issue of increasing importance is financing – who, when, how and from what sources will implement lifelong learning activities, one of the key issues of the European Union within the area of human resource education.

Aim of the article: to study the role of lifelong learning in Latvia and in the world in order to anticipate the perspectives of the future development of lifelong learning.

Tasks:

1. Review and analyse theoretical and legal aspects of lifelong learning.
2. Study and analyse the trends of development of lifelong learning in Latvia and in the world.
3. Make conclusions on the basis of the analysis concerning future development of lifelong learning in Latvia.

Research object – lifelong learning trends.

Qualitative (literature study and analysis, observations) and quantitative (surveying, statistical data processing) research methods were applied to reach the aims.

Key words: lifelong learning, trends in education.

Theoretical aspects of lifelong learning

In a number of European countries a need for quality lifelong learning appeared in the second half of the 20th century when three main goals were set for lifelong learning: the first – provide that adults can acquire basic skills (literacy), the second – provide that adults, if they wish can acquire secondary education (evening classes, distance education), the third – provide training enhancing their compatibility in labour market

(in-service training and requalification). (Jēkabsons 2009). According to paragraph 1 of *Youth Law*, adults in lifelong learning context are persons older than 25; however, adult education can start as early as at the age of 15, in cases when a person drops from school and returns to the education (e.g. evening classes) after some time. Formal, non-formal and informal education is available to people throughout their lifetime (Lifelong Learning Policy Guidelines Progress Report, 2011), lifelong learning is a tool for qualified labour force adaptation according to the labour market needs as it provides an opportunity to requalify, refresh one's qualification or improve one's knowledge. (Vucāns 2008). Lifelong learning envisages both formal education (a system comprising elementary, secondary and tertiary education, upon completion of the programmes in the system a person receives a state recognised document of education or professional qualification) and non-formal education (educational activities organized according to interests and demands of people outside formal education framework), which enhances personal development and empowers a person to better adapt to the social challenges of the new era. (Jēkabsons 2009).

The guiding documents on lifelong learning policies in the world include A Memorandum on Lifelong Learning, Lisbon Strategy and UNESCO World Declaration on Education for All. Lisbon Strategy (2000) and A Memorandum on Lifelong Learning (Brussels, 2000) are binding for Latvia as an EU country. However, in reality we face a number of issues in legislation, common terminology use, financing, and others. In the light of implementation of Bologna processes in lifelong learning in Latvia in 2012 the development of providing flexibility and correspondence of education offer to labour market needs was initiated – validation of knowledge and skills acquired in non-formal education was introduced. The author has been facing a variety of problems in the process of implementation and coordination of lifelong learning processes in Latvia which has triggered the study.

In a number of countries (e.g. Nordic countries) lifelong learning is financed by the state or local governments, in others (including Latvia) it is the learners themselves who have to pay for lifelong learning programmes.

The importance of lifelong learning for an individual as well as the society in general has been described by Bjørnåvold (Bjørnåvold 2000), Gorard, Fevre and Rees (Gorard, Fevre R. and Rees 1999), Gordon (Gordon 2001), Livingstone (Livingstone 1999), Kolardyn (Colardyn 2001), Jallade (Jallade 2000), Kokosalakis (Kokosalakis 2000) and others.

Lifelong learning – learning activities undertaken throughout a person’s life and enabling each citizen to improve their qualification or acquire a new one according to the labour market demands, one’s own interests and needs. It is an ongoing process aimed at improving one’s knowledge and skills as well as one’s reasoning skills and ability to function under the pressure of competition.

21st century has brought knowledge to the core of human activity, development and social transition. No society can ignore a desire of an individual to pursuit knowledge as knowledge is a social value that should be accessible by everybody (Mikiško 2008).

D. Colardyn, a Professor at the College of Europe (Danielle Colardyn 2001) considers the year 1996 to be the lifelong learning “year of birth”. It is since then that authorities, state and private education institutions in cooperation with secondary and tertiary education institutions, social partners, enterprises, non-profit organizations and unions have a debate on what strategies to use in order to promote lifelong learning S. Gorard (Gorard 1999) states that only a learning society can have perspectives of development, and most part of the society is aware of it and willing to learn in different courses available for different age groups. As stated by Grepperud un Johansen, “even if overall there has been some rise in competence, the competence gap has in fact been strengthened by the emphasis on competence in working life” (Grepperud & Johansen 2000.).

A debate is still going on concerning the notions of formal and non-formal education, issues, such as what these types of education include, what they develop, etc.

Table 1.

Lifelong learning for economic and social inclusion

Formal	Non-formal
General initial education – foundation (reading, writing, mathematics)	Personal development – citizenship
Vocational education and training – Preparing for employment	Professional development (Including informal)

Source: Colardyn 2001.

There is, however, a consensus of the opinions that formal, non-formal and informal learning is provided to people throughout their whole life-span and lifelong learning is a tool for improving and widening one’s skills in order to renew one’s qualification, requalify or improve one’s knowledge.

The role of lifelong learning in the world context

Within the framework of the article the author reviewed lifelong learning aspects and its implementation in a number of countries – Bulgaria, Spain, Norway, Sweden, Lithuania, Estonia and Latvia.

The ways of implementation of lifelong learning processes in specific countries are chosen according to the existing education system, institutional provision, legal framework and available funding. In Bulgaria lifelong learning processes are organized by higher educational establishments as well as private institutions where lifelong learning is implemented by private resource. In Lithuania and Estonia, like in Latvia, lifelong learning activities are in the hands of state, local authorities and private institutions. Differences apply also to how participants pay for lifelong learning courses in various countries. In Norway, for example, 65% of financing is supplied by the state, 20–35% – by projects and other sources. Course participants pay only for the accommodation. In Sweden, Lithuania and Estonia lifelong learning activities are financed by the state with additional funding from the European Union funds. A comparatively small number of participants pay for their educational activities themselves.

The aims of the organizations involved are very similar – to improve skills and competences of adults in response to labour market needs, to promote their employability and inclusion, as well as to provide opportunities for personal development.

In all the countries reviewed the lifelong learning aspects are regulated both by the European Union, as well as the national legislation. The lifelong learning centres use a similar set of learning strategies; however, there are individual differences, too. The centres stress the importance of focusing on the individual, on their practical experience and interaction with each other. The centres are also using collaborative learning, project based learning, problem solving, and other strategies.

With an aim to attract funding for the development of new study programmes, purchasing technology and other activities, each organization actively participates in the European Union programs and projects, such as Tempus, Socrates, Joint Actions, Leonardo da Vinci, Grundtvig, LLP, EQUAL, European Social Fund, as well as country specific programs. Institutions of the countries researched by the author employ a small number of administrative staff (3–10). For the period of running a specific study programme the necessary faculty is recruited. Almost all the organizations providing lifelong learning use similar training methods (lectures

and workshops, monologues, dialogues, role plays, simulations of communicative situation, work with texts and vocabulary, practicing language structures, preparing presentations, using information and communication technologies tools and interactive white board, blended methods and e-learning).

The lifelong learning centres stress the importance of good reputation and word of mouth marketing in attracting adult learners. Advertising and media campaigns are being used less frequently. Centres tend to make use of social networks and the internet. Building contacts with employers and partners, incl. state and municipal institutions, businesses, and other educational institutions, is also essential.

Each organization analysed by the author has its own specialization, and offers courses according to its aims and specialization. Baltic Bright (Latvia), for example, provides training courses for individuals and organizations that include general language, business communication and intercultural communication courses. Baobab centre (Spain) courses cover different fields like foreign languages, business management, information and communication technologies, vocational and social education. Swedish Living Centre (Sweden) target groups are enterprises and organisations in networks for which they supply with tailor made programmes. Sometimes centre also organizes European Social Fund-funded projects on behalf of customers. Euro-training centre (Sweden) activities are aimed to improve people's civic and social skills and competences. Vidzeme University of Applied Sciences LLC (Latvia) additional to language, business, and information and communication technologies courses offers opportunity to attend any course of regular student curricula in tourism, business, communication, journalism, political science or IT, and organises seminars and conferences. Biskops-Arnö centre (Norway) aim is to give training and education to different target groups ranging from general courses for adults who want to complete their high school degree to specialized courses in medicine, photography, documentary film or sustainable development. Addition to school courses the centre continuously hosts conferences, seminars, festivals, concerts, theatre plays and other special events. European Innovation Centre (Lithuania) organises seminars on international level, as well as workshops, study visits, conferences, and other educational and dissemination activities.

Trends of lifelong learning development in Latvia

The guiding documents on lifelong learning policies in the world include A Memorandum on Lifelong Learning, Lisbon Strategy, UNESCO World Declaration on Education for All and others. Lisbon Strategy (2000) and A Memorandum on Lifelong Learning (Brussels, 2000) are binding for EU countries. Each country develops its regulating documents to implement lifelong learning in each specific country. In Latvia the issue is being addressed in several ways:

1. The National Lisbon Programme of Latvia for 2005–2008 (Latvijas nacionālā Lisabonas programma) accepted in 2005 sets 5 main economic policy directions to reach the Lisbon goals in Latvia, namely: securing macroeconomic stability, stimulating knowledge and innovation, developing a favourable and attractive environment for investment and work, fostering employment and improving education and skills (Bērziņa, Kirilko u.c., 2007).
2. The National Development Plan. 2007 – 2013 (Nacionālas attīstības plāns (2007.–2013.)) sets a long term strategic goal for the state development – an educated, creative and skilful individual, taking an active part in forming the future of Latvia. The plan proposes a set of tasks for improving lifelong learning situation in Latvia, e.g. strengthening society's understanding of life-long learning, widening the choice of formal and non-formal education, including basic skills and vocational education offers.
3. National Strategic Reference Framework of Latvia for 2007–2013 (Valsts stratēģiskais ietvardokuments (2007.–2013.)) is a policy programming document which lays down a common strategy for mastering of the EU Structural Funds (SF) and Cohesion Fund (CF) resources, and provides coordination between the funds and the operational programmes. This document recognizes education and knowledge to be the most important resource for the country to build its economic growth on, it also admits that the demographic situation in Latvia does not indicate a quantitative increase of human resource in the coming decades and a major attention in 2007–2013 should be paid to the efficient use and further development of the existing resource. Education is closely linked to employment enhancement and an offer of accessible quality education of all levels throughout one's life has been set as a major goal for education development.

4. Guidelines “Education Development Conception for 2006–2010 (Pamatnostādnes “Izglītības attīstības koncepcija 2006.–2010. gadam) were developed on the basis of Lisbon Strategy with an aim to build a well-balanced education system that ensures creation of a knowledge based, democratic and socially integrated society, fosters compatibility of Latvian citizens and national economy by integration in the European space for education and at the same time maintaining and developing cultural values characteristic to Latvia. At the moment of writing the article new guidelines for education development are being developed, therefore the analysis is based on the information as of December, 2013.
5. Integrated Lifelong Learning Policy for 2007–2013 has set the following specific goals: contribute to the development of quality lifelong learning and to promote high performance, innovation and the European dimension in systems and practices; help improve the quality, attractiveness and accessibility of the opportunities for lifelong learning in the member states; reinforce the contribution of lifelong learning to personal fulfilment, social cohesion, active citizenship, gender equality and increased participation in lifelong learning by people of disadvantaged groups; help promote creativity, competitiveness, employability and the growth of an entrepreneurial spirit; contribute to increased participation in lifelong learning by people of all ages; promote language learning and linguistic diversity; reinforce the role of lifelong learning in creating a sense of European citizenship based on respect for European values, as well as tolerance and respect for other peoples and cultures; promote co-operation in quality assurance in all sectors of education and training; encourage the best use of results, innovative products and processes, as well as the exchange of good practice gained within the framework of the common programme. (Bērziņa, Kirilko et al. 2007).

It can be concluded that almost all the documents concerning lifelong learning in force at the moment are expiring soon. The author holds an opinion that lifelong learning professionals should be involved in the development of new documents to ensure that they are professionally written and their implementation will enhance the role of lifelong learning and accessibility.

The author will now proceed to a more detailed analysis of developing lifelong learning in Vidzeme, the largest region in Latvia.

Lifelong learning strategy for 2007–2013 for Vidzeme Planning Region summarizes important information on Vidzeme region, its economic development employment level, it highlights several problems and common trends. The territory of Vidzeme region covers almost $\frac{1}{4}$ of the territory of Latvia; however, the population is just 10 % of the population of Latvia, besides more than half of the population of Vidzeme lives in rural areas and the number of inhabitants decreases from year to year, which causes problems when planning human resource. It is positive that Vidzeme region has the lowest unemployment rate in Latvia. However, the fact that $\frac{1}{4}$ of the unemployed are out of jobs for more than a year, and $\frac{1}{4}$ of the unemployed lack any job experience highlight a need to effectively and purposefully use the human resource available in the region. (Ivulāne, Ratniece, et al. 2007) It is evident that in order to reduce unemployment and increase the number of economically active people the region is responsible for providing lifelong learning accessibility to each person living in the region.

In 2013 lifelong learning programmes in regions of Latvia are offered by a number of institutions – State Employment Agency, state institutions (vocational schools, competence development centres, higher schools of education, etc.), private institutions, adult education centres, associations, etc. A demand on lifelong learning programs demonstrates a steady growth as people are aware of the role of education in the labour market and come to understand more and more that varied skills and raising one's qualification may play a crucial role in maintaining social stability. The author holds an opinion that the lifelong learning demand is closely linked with the unemployment rates in the country; however, the unemployed in Latvia tend to lack motivation to enrol in courses (A Study of Lifelong Learning accessibility and chances to learn in Latvia; 150). The main recommendation suggested to lifelong learning institutions was to acquire more flexibility in their offer of lifelong learning programmes appropriate to the people and in the area where they live, a special concern being lifelong learning offers within regions. Flexibility should also be applied to developing courses in professions popular at the given moment. When offering lifelong learning programmes the labour market demand for specialities should be considered, as this could be a way of reducing unemployment rate in the country.

According to the labour market data the most popular professions in Latvia in 2012 were:

1. Sales representatives, active sales specialists;

2. IT specialists – programmers, system analysts, testers;
3. Shop staff – assistants, cashiers, warehouse workers;
4. E-marketing professionals, especially with expertise in social media;
5. Qualified technical staff – engineers, mechanics, production operators, production supervisors;
6. Office administrators, secretaries, assistants;
7. Accountants, financial analysts;
8. Senior buyers;
9. Catering jobs – chefs, bakers, waiters, bartenders;
10. Low qualified jobs – labourers, cleaners, street sweepers. (Brodiņš 2013)

Most of these highly demanded jobs (IT professionals, technical staff, accountants, senior buyers) require ongoing learning throughout one's life.

In 2010 the Ministry of Economy of the Republic of Latvia suggested a number of solutions for improving labour market offer – enhancement of lifelong learning with a special focus on widening distance learning possibilities to contribute to the employees' professional flexibility which is a key labour market element as it supports introduction of amendments in labour force offer; it is vital that young adults who have left school some years ago and started a well-paid but low qualified jobs, such as in construction, have a chance to return to school to graduate and obtain a qualification; in the field of education and employment a close cooperation between respective state authorities and social partners is essential (Luksa 2010).

A survey was conducted by the author to find out the opinion of people on the existing education system and lifelong learning opportunities in Latvia. The survey was conducted electronically on the Internet. In total 227 responses from Latvia were received, then a segmentation was carried out and the respondents were grouped according to their age into 5 groups.

Figure 1 shows that the majority of respondents (45.67%) are between 20 and 30 years of age. Most of the respondents in the age groups of 30 and above have a higher education while those aged between 15 and 30 have a secondary education (see fig. 2). This indicates that lifelong learning activities should be aimed at the population younger than 30. It also illustrates a previously detected problem in Latvia, namely, young adults after graduating secondary schools find it difficult to enter the labour market.

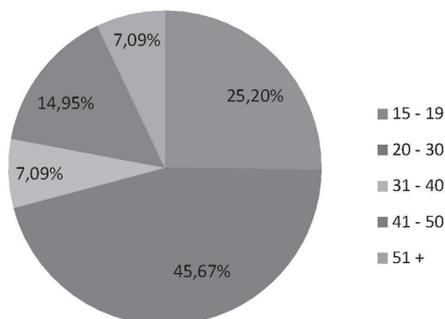

Figure1: The age of respondents by percentage

Source: prepared by the author.

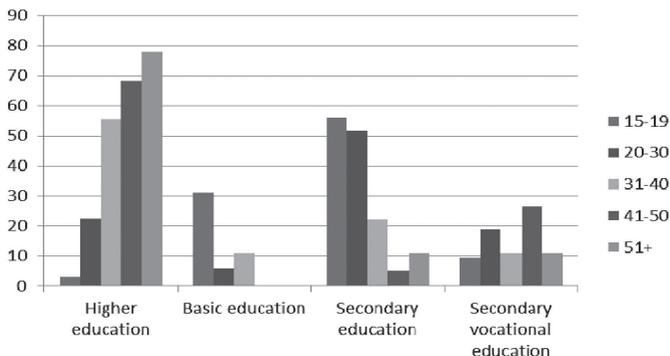

Figure 2: Respondents' education by percentage by age group

Source: prepared by the author.

The author inquired how many of the respondents were willing to improve their education in future enhancing their perspectives to build a career, be better paid or find a job. Figure 3 illustrates the findings.

The responses show that the highest percentage of respondents is willing to improve their knowledge. There is a remarkable feature that 44.44% of the respondents in the age group between 30 and 40 years of age with higher education are not willing to improve their knowledge by studying. It can be explained by the fact that respondents in this age group have stable careers and are not concerned about a need to improve their knowledge.

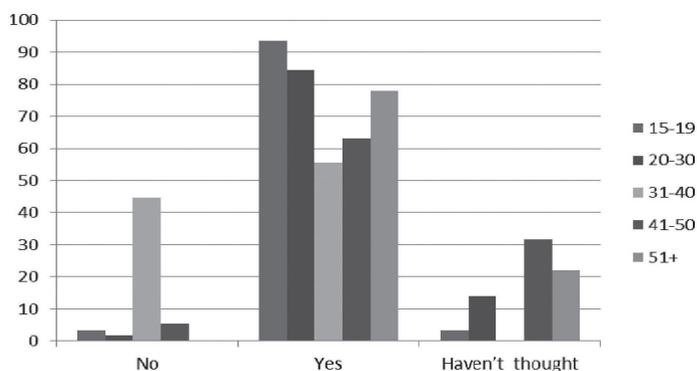

Figure 3: Respondents' desire to improve their knowledge by percentage

Source: prepared by the author.

The author has also found out what obstacles interfere with the respondents pursuit to improve their knowledge through offers of lifelong learning.

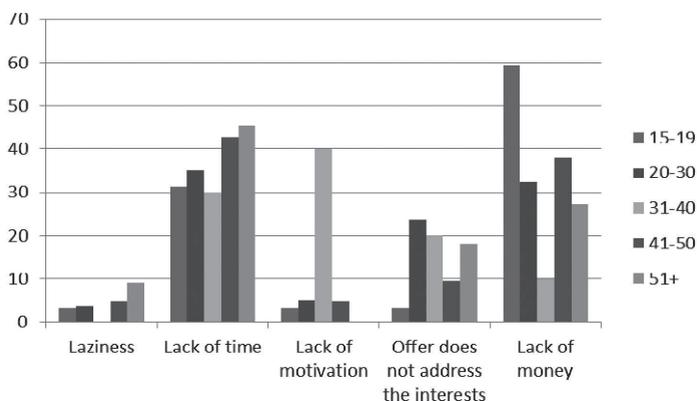

Figure 4: Reasons that interfere with the respondents' readiness to take part in lifelong learning activities by percentage

Source: prepared by the author.

The responses show that the highest percentage of the respondents considers the lack of money and time as the most important obstacles to

participate in lifelong learning activities. This highlights the fact that Latvia has to take urgent steps towards decisions of the sources of financing lifelong learning activities, which would both show the state's concern about the education level and life quality of its citizens and demonstrate its readiness to implement the regulations already adapted, namely – radically (from 5% in 2012 to 15% in 2020) increase the participation of population in lifelong learning activities.

In Latvia in most cases the learners themselves pay for their lifelong learning activities. The European Union Structural Funds and State Employment Agency funded activities for training of the unemployed and improving the qualification of the employed are exceptions. The author holds an opinion that there is a potentially high risk concerning future lifelong learning activities the moment the goals of European Union Structural Funds are altered or restructured. As an economic crisis consequence both the employers and employees have minimized the expenses on in-service training and this has led to a situation when lifelong learning activities are being offered by a great number of institutions; however, the participation is low due to financial reasons.

Conclusions

1. Under the influence of globalization the role of lifelong learning has become an increasingly topical issue much debated by researchers and professionals of various fields in different countries.
2. The choice of lifelong learning implementation form is determined by the legislation of the European Union and each state.
3. Lifelong learning centres should consider offering courses in a more flexible way, introducing various course intensities, e-learning and mixed learning, and use of social networks, self-help dialogue groups in the learning process, and increase possibilities of learning from each-others' experiences during the training process.
4. Lifelong learning centres should consider a wider use of new and non-traditional learning methods, such as visual methods, methods of working with music, drama, working with speech and movement. Use of technology, interactive training materials, case studies and in-training possibilities should also be increased.
5. Implementation of lifelong learning in Latvia faces a considerable number of obstacles, namely – legislation shortcomings, lack of financing, poor information level of the population; these obstacles can

be overcome only by cooperation when all the organisations work together to develop a common and realistic lifelong learning strategy together with related regulations.

Bibliography

- Bērziņa, Kirilko u.c. (2007). *Bauskas rajona mūžizglītības attīstības programma 2007.–2013. gadam*. Cited: 16.05.2014., Available at: www.bauskarp.lv/files/br_m_plans.doc
- Brodiņš, A., (2013). A., 2012. *gada darba tirgus apskats, (2013)*, Cited: 12.07.2014., Available at: <http://visspardarbu.lv/2013/01/13/2012-gada-darba-tirgus-apskats/>
- Colardyn, D., (2001). From formal education and training to lifelong learning: What is new? Will it work better?, 2001, http://apa.lv/files/free/49/749/pet_7_14_llen.pdf
- Gorard, S., Fevre, R., & Rees, G., (1999). The apparent decline of informal learning, Oxford, Review of Education, 25, 4.
- Grepperud, G., & Johansen, O.E., (2000). A future for lifelong learning? Some comments on a Nordic scenario project in Reforms and Policy: adult education research in Nordic countries, Tapir Academic Press.
- Ivulāne, L., Ratniece, A., Zučika, V., Rubene, D., Birzniece, A., Caune, V., Baika, B., Ontensone, L. (2007). *Vidzemes plānošanas reģiona mūžizglītības attīstības rīcības plāns 2007.–2013. gadam*. Cited: 09.06.2013., Available at: http://www.google.lv/url?sa=t&rcrt=j&q=vidzemes%20pl%C4%81no%C5%A1anas%20re%C4%A3iona%20m%C5%AB%C5%BEizgl%C4%ABr%C4%ABbas%20att%C4%ABst%C4%ABbas%20r%C4%ABc%C4%ABbas%20pl%C4%81ns%202007.-2013.%20gadam.%20s&source=web&cd=5&ved=0CD0QFjAE&url=http%3A%2F%2Fwww.vidzemesregions.lv%2Ffaili%2Ffile%2FMuzizglitiba%2Fmuzizglitiba_plans%2FVIDZEMES_RP_UZ_APSTIPRINASANU.doc&ei=TJAvT6PfeO7E4gSencyIDg&usq=AFQjCNEQnGS14bAsRQdOD2JwnX9KyViPAw&sig2=SeSyD3l6BW9wUxyV7Woi5Q
- Jekabsone, I., (2009). *Mūžizglītība un tās loma sabiedrības attīstībā*. Cited: 06.02.2014, Available at: http://www.turiba.lv/komunikacijas_2009/pages/Jekabsone_lv.html
- Luksa, M., (2010) *Ari pēc pieciem gadiem darba tirgū būs burzma*. Cited: 09.07.2014, Pieejams: <http://www.ekonomika.lv/ari-pec-pieciem-gadiem-darba-tirgu-bus-liela-druzma/>
- Mikiško, I., (2008). Mūžizglītība, www.lps.lv/images/.../86ed8c675dLPS.ppt, 2008
- Mūžizglītības politikas pamatnostādņu 2007.-2013. gadam īstenošanas gaita 2009. un 2010. gadā. (2011) Cited: 07.05.2014., Available at: http://izm.izm.gov.lv/upload_file/IZMZino_220309_MIpam2008.pdf

Vucāns, J., (2008), Pārdomas sakarā ar atbilstošā jautājuma skatīšanu RP 2008. gada 21. novembra sēdē. Latvijas rektoru padome, Cited: 06.09.2013, Available at: <http://www.aic.lv/rp/Latv/PROT/20081121/Augstskolu%20loma%20M%C5%AB%C5%BEizgl%C4%ABt%C4%ABb%C4%81%20Latvij%C4%81.htm>

Jauno uzņēmēju centrs, Darba tirgū pieprasītākās profesijas šobrīd, Cited: 06.09.2014, Available at: <http://www.juc.lv/main.asp?newsID=75&areaID=1&Content=CategoryID&levelID=1048&CategoryID=1048>

Mūžizglītības tendences Latvijā un pasaulē

Kopsavilkums

Darbā autore pēta mūžizglītības lomu Latvijā un pasaulē, jo tās nozīme ikviena cilvēka dzīvē tiek sabiedrībā akcentēta arvien vairāk. Mūžizglītība ir izglītība visas cilvēka dzīves garumā, tādējādi dodot iespēju ikvienam sabiedrības loceklim paaugstināt savu kvalifikāciju vai iegūt citu kvalifikāciju atbilstoši darba tirgus prasībām, savām interesēm un vajadzībām. Mūžizglītības nozīmi indivīda un sabiedrības dzīvē āprakstījuši tādi pētnieki kā Bjornavolds (*Bjørnavold, 2000*), Gorards, Fevre un Rēs (*Gorard S., Fevre R. and Rees G, 1999*), Gordon (Gordon Jean, 2001), Livingstone (*Livingstone, 1999*), Kolardins (*Colardyn, 2001*), Jalade (*Jalade JP, 2000*), Kokosalakis (*Kokosalakis N, 2000*) u.c. Lai gan pasaules mērogā mūžizglītības nozīmi sāka pētīt un novērtēt jau 20 gadsimta vidū, Latvijā tikai no 2006. gada sāka diskutēt par to, kas ir mūžizglītība, kādi ir tās mērķi, izvirzītie uzdevumi un ieviešanas iespējas. Autores pētījums liecina, ka Latvijai jāsāk realizēt dokumentos izstrādātās stratēģijas mūžizglītības jomā. Piemēram, Skandināvijas valstu pieredze parāda, ka indivīdiem iesaistoties mūžizglītības procesos, sabiedrība kopumā tikai iegūst. Turklāt Latvijā arvien aktuālāks kļūst jautājums – kas, kad, kādā veidā un par kādu finansējumu realizēs Eiropas Savienības vienu no galvenajiem cilvēkresursu izglītošanas jautājumiem – izglītību visa mūža garumā. Nozīmīgākie mehānismi, kas koordinē mūžizglītības politiku pasaulē ir Mūžizglītības memorands, Lisabonas stratēģija, UNESCO Vispasaules Deklarācija par izglītību visiem. Tā kā Latvija ir ES dalībvalsts, tai ir saistoša Lisabonas stratēģija (2000. g.) un Mūžizglītības memorands (2000. g.). Tomēr autore uzskata, ka realitātē pastāv vairākas problēmas, piemēram, likumdošanas, vienotas terminoloģijas, finansējuma u.c. jomās. Īstenojot Boloņas procesus Latvijā mūžizglītības jomā, 2012. gadā tika uzsākts darbs pie izglītības piedāvājuma elastīguma un atbilstības darba tirgus prasībām nodrošināšanas, kā arī ieviesta ārpus formālās izglītības iegūto zināšanu un prasmju atzišana. Tā kā autorei nākas saskarties ar dažādām problēmām mūžizglītības procesa organizēšanā, realizēšanā un koordinēšanā Latvijā, tika veikts pētījums.

Lai noskaidrotu iedzīvotāju domas par esošo izglītības sistēmu un mūžizglītības iespējām Latvijā, autore veica respondentu anketēšanu, kuras rezultāti apkopoti rakstā. Mūžizglītības loma globalizācijas procesu ietekmē kļūst arvien aktuā-

lāka. Par to diskutē dažādu valstu, dažādu jomu zinātnieki un profesionāļi. Tomēr mūžizglītības realizēšanas veidu nosaka Eiropas Savienības un katras valsts likumdošana. Latvijā mūžizglītības realizēšanā pastāv vairāki šķēršļi, piemēram, nepilnības normatīvajos dokumentos, nākotnes redzējuma un finanšu trūkums, kā arī iedzīvotāju nepietiekamā informētība par esošajām mūžizglītības iespējām. Tās var novērst tikai ieinteresētajām organizācijām kopā izstrādājot vienotu un reālistisku mūžizglītības stratēģiju, ar to saistītos dokumentus un par to informējot sabiedrību. Mūžizglītības realizētājiem nepieciešams ieviest elastīgu apmācību procesu, dažādot mācību metodes, mācību saturā iekļaujot jaunāko informāciju, tādējādi iegūstot kvalitatīvāku rezultātu.

Atslēgas vārdi: mūžizglītība, izglītības tendences.

EDUCATIONAL INSTITUTION –
HUMAN RESOURCE QUALITY IMPROVING FACILITY
IN THE CONTEXT OF REGIONAL DEVELOPMENT

Educational function is among the functions of each region. In its' essence lies improvement of region's human resources. Principal implementing bodies of the educational function are educational institutions. The objective of the article is to determine opportunities of the educational institution in improvement of human resource quality and how the said are related to the developmental needs of the region. The following research methods used for the achievement of the objective: literature analysis, document analysis and survey. The article analyses the opportunities of a school on the basis of the functions of a school and understanding on the local council on the place and importance of an educational institution in the context of region's strategic development. The following conclusions were drawn as the result of the study: 1. Improvement of human resource quality arises for the school's qualification, selection and allocation functions. Schools have significantly greater opportunities to improve human resource quality while these are currently not being capitalised upon across Latvian regions. In order for the opportunities to be utilised it is necessary that the local council understands the functions of the school and uses them in a determined fashion. 2. In order to for the school to become comprehensively involved in the improvement of regional human resource quality it is necessary that the local council would plan it along with the economic development of the region, considering the school to be an expert in implementing innovations in the professional performance of the region.

Educational function is one of the functions of each region. This function is often understood as provision of opportunities for children and youth alike in the given region for a comprehensive education service i.e. an possibility to obtain the education provided by law. Less attention is given for the adult education as a part of life-long education. However, under the ever changing labour market conditions, life-long education becomes of increasing importance, it is a way how to improve the existing competences of the regional population as well as how to provide acquisition of new ones.

Key words: educational function, educational institution, human resources, innovations, regional development, school's functions.

A learning-capable society as a strategic goal of the European education determines one of the functions for each region – the function of

education. Local councils must resolve an issue of how in conditions of restricted finance to implement the said function by providing both availability and quality of education in the region. Regional planning documents reflect on each council's understanding on the interaction between education and human resource quality. For example, "Ozolnieki regional strategic development" is one such document that reflects on the understanding of this interaction however, greater emphasis is given to children and youth education, furthermore, formal education is separated from life-long education: "One of the operational missions of the local council is to promote education, because it is education that warrants person's development and ability to ensure one's welfare in the form most acceptable to oneself. Today, education is referred to as human capital not without a reason. In order to ensure development of human resources with the region, one requires a competitive offering of education, a diversity of educational programmes must be offered, including establishment and development of vocational education programme. Diversity of youth past time activities attracts both new families to the region as well as prevent youth from leaving the region for city and return to one's home after completion of studies. In consideration of the age structure within the region, establishment of a life-long education programme is also of essence with the use of existing education and culture institutional infrastructure." (Ozolnieku novada strategiska attistiba, 2014).

Traditionally it is believed that education especially adult education expresses itself as the individual need of each person. However, if education is looked upon from the regional viewpoint, it must be admitted that a comprehensive development thereof is impossible without education people, even more so the development of each specific region may not be ensured by any education individuals. In order to ensure pursuit of specific directions of development, one requires persons with special competences.

In order to satisfy the needs of the individual and regional educational needs, it is necessary to provide diverse learning structures that ensure existence of a learning-capable society (see Figure 1), thus the regional shall fully implement its educational function.

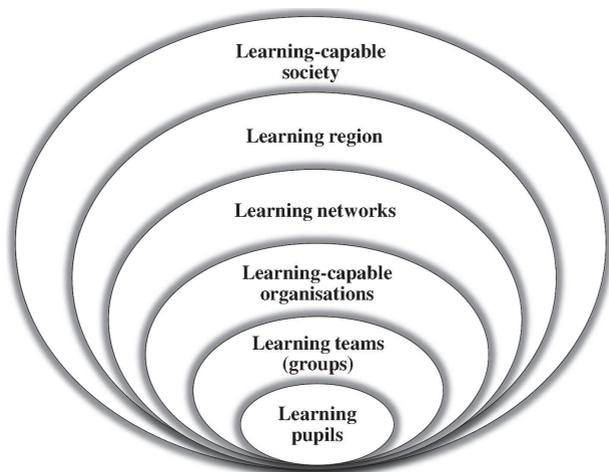

Figure 1. Learning structures

Source: prepared by the author.

The principal implementing bodies of the educational function are education institutions. Each region has multiple educational institutions (both local council, state or privately established) that provide various types and levels of education. In order for a more comprehensive and quality implementation of the education function the region requires a consciously and purposefully established network of educational institutions including various educational institutions (pre-school, general education, professional, interest), furthermore the coverage must be uniform (the same relates to the planning of the region, if the council wishes an educational services as a form of development offered to the population).

Educational institution is not an autonomous institution. From the perspectives of system theory, school organisational – sociology theory and structural-function theory, it is a subsystem of another system (in this case, region) In line with the structural – functional school theory, the society has delegated education (schools) with an array of functions: Qualification function; Socialisation function; Custodial function; Function of allocation and selection; Integration and legitimisation function; Cultural heritage maintenance function; Administrative function.

In relation to the topic of his present study, attention must be given to the two following functions of the school:

1. Qualification function

This is the oldest of school's functions, however, via a gradual development of the society, the content thereof has expanded and changed. The term "qualification" in the framework of this function includes knowledge, skills, abilities, attitudes, personal qualities that are developed during the course of education.

All qualification fall under either of the two following groups: general qualifications – those that are necessary for each and every member of the society in order to be able to live in the present society (literacy, ability to calculate etc.) and special qualifications those that are necessary for a specific area of life.

The qualification function provides each individual with an opportunity to acquire and improve knowledge, skills and abilities necessary for a comprehensive life. Implementation of qualification at a state and regional level ensures a quality labour force. While qualified labour ensures an economic growth. Thus a school that successfully implements the function of qualification enables a profitable national economy. (Schule und Gesellschaft, 2009)

Both acquisition of the general and vocational education is provided via specific educational programmes. Every educational institution has resources necessary for the provision of the qualification function: professional teachers, material aids (equipment, learning aids etc.).

Upon instructing a specific educational institution, regional councils may set requirements for provision of such special qualifications that are specifically required for the region (for example, in relation to the specific of the region, regional development or demand in the labour market). Acquisition thereof may be included both in the formal education programmes as well as in the informal ones and auxiliary ones. Only upon planning the acquisition of the competences required of the development of the region one must specifically know what array of competencies may each of the educational institutions in the region offer the best.

2. Function of allocation and selection.

As it is known, the modern society is highly organised by the division of work and functions. As indicated by H. Gudjon (Gudjons, 1998), social allocation and allocation and selected are integral to one another.

Thus every educational institution performs the allocation of its pupils in line with the acquired qualifications by the type and level of employment and the selection thereof depending on the quality of achievements.

Both the selection and allocation is ensured by the educational institution via a control of achievements. In line with the control results, the qualify of the specific education or study programme is determined. In accordance thereof, the individual is given that or another opportunity to become a member of the society: work (in a specific trade) or study (at an education level or direction) thus competing in the labour and/or education market. Allocation is performed on the basis of acquired qualifications (for example, a person who has not acquired chemistry and biology shall be able to continue education in medical science).

If the regional council knows and understands the functions of a school, it may in a purposeful manner attract the educational institutions within the region to tackle the development tasks in a form of provision and promotion of human resource quality. Then a school from a simple service provider becomes an implementing body of the regional development strategy. In order to ensure that the local council requires information on the capabilities and resources of each school, needs of the region, needs of the small and medium sized businesses in the region.

Each school has its own strengths and resources, first of all being, human resources: teachers with various competences and potential (which the teachers may not always discover and realise during daily routine with students); as well as material resources, for example, equipped premises, special equipment and so forth, that other educational institutions in the region do not have. In order for the resources to be used in an effective manner, many researchers (Simmie, 2005; Dauser & Longmuss, 2010; Land, 2009) recommend formation of an educational institution networks with the region and plan the use of the resources not only in the framework of a single school, but rather in a complex manner.

In the framework of such educational institution network, each educational institution must be active and within one's capability, it must take part in various regional development projects. Interpretation of school's function at an ex and mezzo level is shown in the articles of association, vision and mission of each educational institution. The dimension of regional development must be included in the activity structure of the educational institution. Educational institution must strive to ensure high level education standards, quality and learning in observance of regional development strategy.

Regional development must become one of the principal strategic tasks of an educational institution. This however is possible only if the school understands changes within the business world and the influence

of these changes on the learning. In this case the educational institution via the use of diverse future forecast methodology on the competences required by the region in future shall be able to timely react on the needs of the labour market and labour force in the region by preparing a suitable education offering. Additionally, a regular analysis and evaluation of the influence of the educational institution activity on the development of the region is required as well as to seek new types of activities that could promote schools' influence on the development of the region. Thus an educational begins to perform as an expert in the creative implementation of innovations in the professional life of the region. Such purposeful activity shall create a situation when the school shall become one of the principal educational matter resolving body within the region. (Kaposta, 2012)

Upon reviewing development planning documents of Latvian regions, one must admit that not everywhere education and educational institutions are considered to be a resource of regional economic development. The objective included in the regional strategies that is directed towards the economic development of the region, often is not related to the development of the necessary competencies. Thus a logical question arises: what resources, human resources in specific shall be used for the attainment of the specific goal. No answer is yielded by the regional planning documents.

Sustainability strategies of many regions set forth education of the society as one of the goals: for example, an active and educated society (Ozolnieku novada stratēģiska attīstība 2012 – 2030); Create an educated, knowledgeable, informed, socially active society by ensuring each individual with quality educational, health, social and other development promoting services (Gulbenes novada stratēģiska attīstība) and so forth. The roads of pursuing the said goals presented in the following documents cast a doubt in the possibility to achieve the said goals because in many cases the tasks are set in a highly generally, non-specific manner, while there are also regions, in which the tasks of the education are set in a sufficiently specific manner. (See Table 1).

In comparison to the goals and tasks included in the planning documents of Latvian regions, European countries in which have been established and have for a while already been successfully operating learning regions, the planning documents of these regions provide accurate and specific task of education in close relation to the development of human resources (Gwydri Learning Region, 2008; Die Netzwerke in den Lernenden Regionen, 2007). (See Table 2).

Table 1.

Matters of education

Region	Priorities	Strategic goal (2030)	Development tasks
Gulbene region		Create an educated, knowledgeable, informed, socially active society by ensuring each individual with quality educational, health, social and other development promoting services	<ol style="list-style-type: none"> 1. Perform a socially beneficial and supportive environment. 2. Support formation of an informed and socially active society.
Ozolnieki region	Active and educated society	Implementation of life-long education programmes, with the use of existing educational and cultural institution infrastructure.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Creation of a life-long education and career centre in the Ozolnieki region. 2. Purchase of inventory and equipment for the life-long education and career centre of the Ozolnieki region. <p>Attraction of specialists for the operation of the life-long education and career centre of Ozolnieki.</p>
Vilaka region	Available educational, culture, sports, tourism, social and health solution, communal economic infrastructure and services	Educated, cultural, wealthy and creative society.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Organisation and development of educational institution infrastructure. 2. Develop vocational and interest education. 3. Develop life-long education and ensure the availability thereof. 4. Increase the quality of education.

Source: prepared by the author.

Table 2.

Education offering in learning regions across Britain and Germany

Learning region	Goal	Tasks
Gwydri (Great Britain)	Active and educated society	<ol style="list-style-type: none">1. Create a management structure that shall support the organisation via formation on an own vision;2. Promote that each member of the society may fully take part in the learning work of the society;3. Improve the existing educational and learning practice in the society praksi;4. Ensure that the future employment needs of the region are taken into account via a competent planning of education.
Learning regions in Germany	Educated and socially active society	<ol style="list-style-type: none">1. Offer for individual education consultations.2. New mobile learning locations and support (consultation) points.3. Measures of recognition of non-formal education.4. Education quality management.5. Projects for transition from school to the labour market (trade).6. Measures for inter cultural education and learning of languages.7. Purposeful further education in cooperation with small and medium size companies.

Source: *prepared by the author.*

During discussions with operational directors of regional educations (educational departments, educational authority officials, educational specialists), it was found that they consider educational institutions to be education service providers for school age children and youth. Both the aforesaid as well as the employees and council staff of the local council

along with heads of schools believe that the principal essence of schools in the region to provide education in the proximity of the home of the children and an emphasis must be put to the improvement of educational quality provided to these children. Furthermore, majority of the respondents indicated the results of the centralised examination as the principal criterion of educational quality. Regional education officials did not relate the needs of regional development with the content of learning and education. This question surprised them and made them ask a counter question: “What do you mean by that?”

None of the respondents had an opinion on the contributions that the educational institutions could give to the improvement of the human resource quality in relation to the needs of regional development. The question on the adult education was received with confusion indicating that adult education is another form of operation, which does not have the slightest link to a school. The afore-described understanding of educational organisation in regions is shared by the educational organisation and its management: there is only a handful of regions, in which adult education is planned and managed along with youth and children’s education (for example, Nereta region, Koknese region, Balvu region, Daugavpils region and others), while in the majority of cases, adult education is either separated from the rest as another form of operation (for example, as in Aizkraukle region, Bauska region, Dobele region and others) or is not distinguished as such at all but included in culture or other with education directly unrelated field.

Discussions with regional education officials, heads of educational institution and council staff show that none of the respondents possessed a clear understanding of what competences are required among the population of the region, for example, to implement the regional integrated development programme in 2016.

A pilot study on the operation of educational institutions in the improvement of human resources in Latvian regions shows that the theoretical capabilities of the educational institutions are wide, however, not fully understood by the heads of the council and the educational affairs. The discovery and elaboration of school capabilities among regional council employees and heads and employees of educational institutions should become a priority of regional education officials.

Bibliography

- Dauser D./Longmuss J. (2010) *Durch Netzwerke regionale Strukturentwicklung*. Berlin, Betersmann Verlag, 48 S. (In German)
- Gudjons H. (1998) Pedagoģijas pamatatzinas. Riga, Zvaigzne ABC. p. 394. (In Latvian)
- Gulbenes novada stratēģiska attīstība (Gulbene region strategic development) Available: <http://gulbene.lv> (In Latvian) (accessed on: 10.10.2014)
- Gwydri Learning Region. Available: <http://www.gwydrilearningregion.nsw.edu.au> (accessed on: 05.10.2014)
- Kaposta I. (2012) Establishment of Learning Regions Opportunities in Latvia. Erural Environment. Education. Personality. Jelgava, LLU
- Land J. (2009) *Die lernende Region soziale oekonomische Perspektiven*. (Magisterarbeit). Available: www.ldld.de (accessed on: 12.10.2014) (In German)
- Longworth N. (2006) *Learning Cities, Learning Regions, Learning Communities: Lifelong Learning and Local Government*. London, Routledge. 248 p.
- Die Netzwerke in den Lernenden Regionen. Available: <http://www.lernende-regionen.info> (accessed on: 07.10.2014) (In German)
- Ozolnieku novada stratēģiska attīstība (Ozolnieki region strategic development) Available: <http://www.ozolnieki.lv> (In Latvian) (accessed on: 10.10.2014)
- Pedagoģijas terminu vārdnīca (2000). Riga, Zvaigzne ABC (In Latvian)
- Simmie J. (2005) *Innovation, Networks and Learning Regions*. London, Taylor and Francis Group. 258 p.
- Schule und Gesellschaft. Available: www.edu.lmu.de/spe (accessed on: 05.10.2014) (In German)

Izglītības iestāde – cilvēkresursu kvalitātes paaugstināšana reģionālās attīstības kontekstā

Kopsavilkums

Tradicionāli tiek uzskatīts, ka izglītība, jo sevišķi, pieaugušo izglītība izpaužas kā katra cilvēka individuālā nepieciešamība. Tomēr, raugoties uz izglītību no reģiona attīstības aspekta, jāatzīst, ka to pilnvērtīga attīstība nav iespējama bez izglītotiem cilvēkiem. Lai nodrošinātu konkrētus attīstības virzienus ir nepieciešami cilvēki ar noteiktām kompetencēm. Lai izglītības funkcija pēc iespējas pilnīgi un kvalitatīvi tiktu īstenota, novadā nepieciešams apzināti, mērķtiecīgi veidots izglītības iestāžu tīkls, turklāt tā pārklājumam jābūt vienmērīgam. Ja novada pašvaldība zina un izprot skolas funkcijas, tā var mērķtiecīgi iesaistīt savā teritorijā atrodošās izglītības iestādes reģiona attīstības uzdevumu risināšanā kas izpaužas kā cilvēkresursu kvalitātes nodrošināšana un veicināšana. Tad skola no vienkārša pakalpojuma sniedzēja kļūst par vienu no reģiona attīstības stratēģijas īstenotājiem. Lai to nodrošinātu, pašvaldībā ir nepieciešama informācija

par katras skolas iespējām un resursiem; novada vajadzībām; novada mazo un vidējo uzņēmumu vajadzībām. Pilotpētījums par izglītības iestāžu darbu cilvēkresursu kvalitātes pilnveidē Latvijas novados parādīja, ka teorētiski iespējas izglītības iestādēm ir plašas, bet praksē novada dzīves un izglītības vadītāji tās nav pilnībā apzinājušies. Turpmāk skolas iespēju atklāšanai un skaidrošanai vajadzētu kļūt par novadu izglītības vadītāju darba prioritāti.

Atslēgas vārdi: izglītības funkcijas, izglītības iestāde, cilvēkresursi, inovācijas, reģionālā attīstība, skolas funkcijas.

THE STRATEGY OF NATIONAL SECURITY IN LITHUANIA

The article provides an analysis Lithuania's development strategy under are the preparation of the models of development strategy state and society for the improvement of the modern systems for the qualitative and quantitative evaluation of national security, natural, material, financial and human resources, description of its implementation stages, creation and presentation of the models of the separate stages of optimization of the activity of Lithuanian state systems, for forecast of national economy and regional development priorities at the conditions of European Union, generalization of the results of national security in Lithuania, formulation conclusions and presentation at the conditions of strategy development state and society in the 21st century.

Key words: strategy, national security, development, sustainable, regional priorities, progress, democracy, state systems, society, model, political solution, results.

The result of globalization is the result of the development of the political, economic and social environment of the state and society when political and economic factors become closely linked, and social factors lag behind those previously mentioned still further, thus showing tendencies of threat to national security. The basis for the 21st century modern governance is the institution and its personnel, the performance optimization being based on the following factors: objective, programme, project, tasks, criteria, resources, normatives, result.

The scientific and practical problem is that the globalization challenges and an impact of their factors on national security in the 21st century have not been researched in the core, described in the works of Lithuanian and foreign scientists and presented in the publications; methodology and its implementation methods for assessment of security threats and for forecasting the changes of those threat factors in Lithuania, European Union (EU) and the world community have not been developed. *The objective of research:* the political, economic and social factors in the development of the state and society, which are designed for diminishing the globalization challenges for security threats in Lithuania in the 21st century. *Research tasks:* to describe the 21st century globalization challenges, to forecast their effects on the changes of threats to security, to present the situation for the emergence of threats to security in Lithu-

ania, and to generalize the work results. **Research methods:** analysis, observation, surveys, selection, systematization, comparison, modeling, and presentation. **Sources used:** works, published by Lithuanian and foreign scientists, proceedings of the world science forums, results of international and national scientific conferences, and other collected informative material. **The author of the work:** during the scientific activity period delivered lectures, participated in scientific forums, international and national conferences, conducted observations and a survey in Lithuania and foreign states: Armenia, Austria, Belarus, Bulgaria, Cyprus, the Czech Republic, Estonia, Georgia, Germany, Spain, Israel, Kirghistan, Latvia, Poland, Moldova, Norway, Portugal, Romania, Russia, Finland, Sweden, and Ukraine. The accumulated material is provided in the text of the work.

The developmant of national state

Total employment is the objective of the national security policy. In reality, the development of the country moves away from that objective, since the problem of unemployment persists. Unemployment is an important problem of globalization, which must be solved by the national state system. It is of importance for all EU Member States: unemployment increases poverty and enhances national security threats, since personal security is the basis of national security (*Gospodarka* 2014). Competitiveness of the national product has become the crucial problem of national security in the 21st century, which is manifest by the market factors: demand, supply, competition, and state of the market (*The Rol* 2010).

$$\text{Market balance} = \text{Export} - \text{Import} \quad (1)$$

$$\text{Result} = +; 0; - \quad (2)$$

Experience of foreign states shows that according to the EU Statistical Office Eurostat data of January 2013, the minimum wage in Lithuania was €290, the highest minimum wage is in Luxembourg €1874, Belgium €1502 and Netherlands €1469, the average here amounts to €1615. Difference – by 5.57 times. At present, over 25 percent of the population in Lithuania lives below the poverty threshold (*official information from state institutions*). Today, the average wage in Lithuania is €529. Department of Statistics (2010 – 2013), a total of four years left Lithuania declared 216938 residents (Karaliūnaitė 2014).

$$\text{Poverty threshold} = \text{income: expenses} = |0| \text{ to } |1| \quad (3)$$

At present we already possess the formed society and external security; nevertheless, the contradictory political, economic and social environment for strengthening national security is being formed in the country. We must seek that the state power control mechanism would be enforced strictly following the Constitution, as the guarantee of national security. The state system must constantly improve the external environment of the individual, family and institution, as the guarantee of national security. (New 2014)

The world community has created a state for maintaining of social equality in the society (Valstybės 2012). Under those conditions, the activity of national institutions should be strategically governed and optimized: based on the rational use of national resources (Makštutis 2010).

Optimization methodology:

$$K_{ef} = R : N, \quad (4)$$

K_{ef} – efficiency rate; R – labour result; N – labour normative which may be achieved.

The objective of the governance of progress and labour optimization factors: to timely ensure the development of the national economy and to satisfy the needs of people to live above the poverty threshold (*Globalizing* 2013). Theory and practice of governance proved that no ideal state exists in the world, since the society in each state is different: possesses its own natural conditions; different natural resources; influence of the neighbouring countries (Melnikas 2013). All the states possess a mandatory bureaucratic system, which is operating on the basis of the Constitution and supports the development of democracy and progress. This system also exists in Lithuania, and the labour results of the individual, family and of personnel at the institution depend on the labour efficiency of its institutions: for improving the living standards and quality, thus strengthening national security. Today the system of Lithuania's institutions confronts the actual problem of governance: development and use of human intellect, determining competence at a separate workplace and real wages (*at least the EU average*). It is necessary to stress that human security depends not on the military power but on the human labour results, and national security is the extended conception in Lithuania, the EU, NATO, and the world. The political, economic and social environment in the world community, the EU, NATO and Lithuania depends on human cooperation security: global, continental, regional,

and national. National security by its content is also subdivided into: military, progress in science, political, economic, demographic, information, legal, genetic, ecological, criminal, cultural, energy, intellectual, etc. Separate spheres of security content have functional relations which are being developed in the external and internal environment of Lithuania where threats are being formed, and in the presence of incompatibility of political, economic and social environmental factors those threats go on increasing, therefore national security is vulnerable, and those issues are of special importance for the future of Lithuania, the EU, NATO and the world community. Threats are internal and external:

- Internal threats are bigger than external; this is the result of globalization.
- This result is favourable for terrorism factors.
- External threats are enhanced due to regional conflicts, and participation in them is favourable for terrorism threat.

Generalization. State institutions should solve tasks, of special importance for strengthening of national security: to reduce internal threats upon the evaluation of external threats in the EU, NATO and the world community to avoid the results of terrorism threats (*loss of people, natural, financial and material resources*).

The development of national security

It is possible to present the problem-solving steps in the national security strengthening of the state and society in the 21st century (Makštutis 2010).

1. *The solutions of the problems national state.* It is possible to present the problem-solving steps in the national state strengthening of the EU in the 21st century (Figure 1).

It is necessary to analyze the globalization factors, making an impact on the national security processes, the changes of which are presented in Figure 1.

The vectors show an impact of temporal and spatial factors on national security. After implementing a modern management model of national security (Figure 1.), we will create the optimum internal and external political, economic, social environment of Lithuania in the EU, NATO and the world.

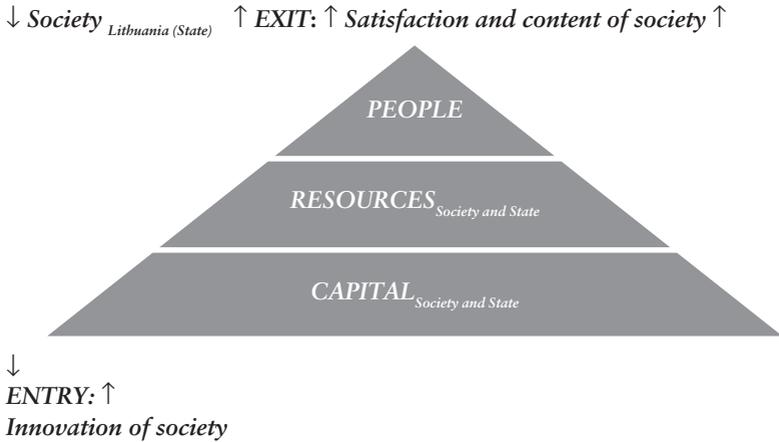

Figure 1. The model of modern management of national state

Source: prepared by the author.

Abbreviations and definitions, used in Figure 1: *Society*_{Lithuania (State)} – Lithuania’s society; *ENTRY* – procurement of resources for the development of human activity, strengthening of the national security of the state and society; *Innovation of society* – new qualitative and quantitative requirements for the development of the activities of the organizations, harmoniously strengthening of the national security of the state and society; *PEOPLE* – human resources for the development of the activities of the organizations, harmoniously strengthening the national security of the state and society; *RESOURCES*_{Society and State} – all available resources for the development of the activities of the organizations, harmoniously strengthening the national security of the state and society; *CAPITAL*_{Society and State} – the main constituent of the assets of the organization for the development of activity, harmoniously strengthening the national security of the state and society; *EXIT Satisfaction and content of society* – the results of human activity, intended for satisfaction of social needs and content of people with the political, economic and social environment, strengthening of the national security of the state and society.

2. The solutions of the problems national security. It is possible to present the problem-solving steps in the national security strengthening of the state and society (Valstybės 2012) in the 21st century (Figure 2).

Figure 2. The model of national security in Lithuania

Source: prepared by the author.

Generalization. *Firstly*, it is necessary to grant the freedom of performance in the society for the individual, family, personnel at the institution under equal rights and equal opportunities (*to improve the external environment for work optimization*). *Secondly*, to improve the efficiency of government-self-government and to seek the adjustment of political, economic and social factors: if those factors are ignored, the conditions for work optimization of the individual, family, and personnel at the institution are violated. *Thirdly*, in this case, the optimum performance of the individual, family, and personnel at the institution becomes impossible, and the developmental processes of the society are distorted, therefore the work results cannot ensure the strengthening of personal and national security.

Conclusions

As the life of people is not improving, the processes of national security strengthening that do not comply with the EU and NATO developmental tendencies (*perspectives*) become disturbed. Long-term studies enabled the author of the work to present the national security strengthening methodology at the level of national resources in the common EU and NATO space, which is based on: a) state strategy; b) a project of the harmonious development of society; c) implementation by the Constitution.

Bibliography

- Globalizing Businesses for the Next Century: Visualizing and Developing Contemporary Approaches to Harness Future Opportunities. (2013) Readings Book. Editors: N. Delener, L. Fuxman, F. V. Lu, S. Rodrigues, L. Rivera. Helsinki: GBATA.
- Gospodarka w sieciach relacji. (2014)/ Pod redakcją S. Partyckiego. Lublin: Wydawnictwo KUL. (In Poland, Russian and English).
- Karaliūnaitė U. Gyventojai įvardijo didžiausią problemą Lietuvoje. (In Lithuanian). Intern. p.: <http://www.delfi.lt/verslas/verslas/gyventojai-ivardijo-didziausia-problema-lietuvoje.d?id=65805546#ixzz3E10XLrxY> (22.09.2014).
- Makštutis A. (2010) Šiuolaikinė vadyba. Vilnius: LKA (In Lithuania).
- Melnikas B. (2013) Žiniomis grindžiamos visuomenės kūrimas: globalizacija, darni plėtra, ekonominiai sprendimai. Vilnius: VU Leidykla (*In Lithuanian*).
- Nacionalinio saugumo strategija. (2012) LR Seimo nutarimas Nr. XI-2131, 2012 m. birželio 26 d. (In Lithuanian). Intern. p.: <https://www.google.lt/#q=Nacionalinio+saugumo+strategija.+2012.+LR+Seimo+nutarimas+Nr.+XI-2131%2C+2012+m.+bir%20%C5%BElis+26+d> (08.08.2014).
- New trends in National Security. (2014)/University of Defence, Czech Republic. Brno: Published by University of Defence in Brno.
- The Rol of Human Capital in the Development of the Countries and Regions of Central and Eastern Europe. (2010) Edited by A. Ignasiak-Szulc. Toruń: Dom Organizatora.
- Valstybės pažangos strategija “Lietuva 2030”. (2012) LR Seimo nutarimas Nr. XI-2015, 2012 m. gegužės 15 d. (In Lithuanian). Intern. p.: <http://www.litlex.lt/scripts/sarasas2.dll?Tekstas=1&Id=159620> (10.08. 2014).

Стратегия национальной безопасности в Литве

Резюме

В статье приводятся стратегия развития Литвы, анализ моделей государства и стратегии развития общества для улучшения современных систем для качественной и количественной оценки системы национальной безопасности, описание его этапов реализации, создания и презентация моделей из отдельных этапов оптимизации деятельности литовских государственных систем, для прогноза национальной экономики и региональных приоритетов развития страны на условиях Евросоюза, обобщение результатов национальной безопасности в Литве.

Научная и практическая проблема в том, что проблемы, глобализация и воздействие их факторов на национальную безопасность в двадцать первом веке не были исследованы в ядре, описано в работах литовских и зарубежных ученых и представлены в публикациях; методология и методы осуществления для оценки угроз безопасности и для прогнозирования изменения

этих факторов угроз в Литве, Европейском Союзе (ЕС) и мировом сообществе еще не разработаны. *Объект исследования:* политические, экономические и социальные факторы в развитии государства и общества, которые предназначены для уменьшения вызовом глобализации для угроз безопасности в Литве в двадцать первом веке. *Задачи исследования:* описать вызовы глобализации двадцать первого века, прогнозировать их влияние на изменения угроз безопасности, представить ситуацию для возникновения угроз безопасности в Литве, и обобщить результаты работы. *Результаты исследования:* модель современного менеджмента национального государства и модель национальной безопасности в Литве. Представлены выводы и рекомендации реализации стратегии национальной безопасности в Литве, перспектива их внедрения на условиях развития государства и общества в двадцать первом веке.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, развитие, устойчивость, региональные приоритеты, прогресс, демократия, государственные системы, общество, модель, политическое решение, результаты.

Sławomir Partycki, Ewa Sikora (Poland)

RELATIONAL BONDS IN CYBERCULTURE

Contemporary culture has many new features that affect communities in a completely different way than they used to in the past. The paradigm of network society allows us to see new nature of culture by showing it as a network of relational bonds. This new phenomenon, also known as cyberculture, is possible due to the creation of wider and wider network of ties between cultural entities, both creators and recipients (consumers).

Key words: cyberculture, network relationship, social networks.

A new form of network society has brought new communication opportunities to people, which made the entities operating in global village tied together even more closely. The technological revolution, along with the popularization of the Internet, has allowed individuals to cooperate as intensively and effectively as never before. The impact of virtual realm, also known as cyberspace, is also evident in real life, which is due to the results of joint ventures undertaken mostly thanks to Internet communication. Double feedback between meatspace and cyberspace can be observed. Firstly, the phenomena and entities do not occur only in real life; they are transferred to the digital world, where they find their place. Virtual entities often become actors of another dimension, they operate in virtual social network, where they are provided with new opportunities to affect other entities. On the other hand, the phenomena occurring in the digital realm often influence entities functioning in meatspace. For example, a film watch on the Internet may become a topic of discussion and shape people's philosophy of life, thereby potentially causing some specific actions to be taken in real life. These feedbacks are clearly visible in the sphere of culture. Cyberculture includes entities that exist in reality, but it also creates other works that have only digital, virtual dimension. These new artefacts affect entities from real life, hence the culture of cyberspace combines what is virtual with what is real.

Cyberculture has enriched the meatspace culture by making the process of creating and distributing cultural resources networked. Each network participant has the possibility of creating and sharing his work with others actors, thereby making cultural heritage much richer and varied and contributing to the creation of new global culture.

New communication possibilities

New communication environment, which is an important aspect of new society, creates favourable conditions for new joint undertakings to embark on. It also helps to widely distribute cultural goods in the society. Thanks to the network openness, it is possible to boost various social processes, including the creation of new, unique cultural artefacts. However, one has to be prepared to distribute cultural achievements on new conditions. Therefore, an inseparable part of the formation of social networks is the ability to enter into joint dialogue, to establish two-way communication and learn to be open. According to the theory of Simon Mundy, network of cooperation is the best solution ensuring efficient functioning of modern society (MUNDY, 1999).

Networks that organize the sphere where various entities operate, are loose structures consisting of individuals that are capable of multiplying values and introducing new elements. In addition, networks can be divided according to several criteria. There are, for instance, formal and informal networks, they may also be task-oriented or cover a broad spectrum of social activity. Networks are perceived as forms of organization of cultural entities and tools to create and distribute cultural achievements.

There are, however, significant differences between this new form (that is, networks) and traditional bureaucratic structures. Firstly, networks are distinguished by spatial decentralization. Decisions are no longer taken in one centre, dialogue is held between several centres that treat themselves as equals; hence, openness to new ideas is a key feature here.

Secondly, responsibility for decisions and sense of duty are dispersed, which is typical of networks. Traditional structures used to have centralized boards, while in the new type of organization decisions are split between divisions; thanks to the use of modern forms of electronic communication such divisions have an opportunity to quickly exchange their observations. Modern network must therefore be based on the principle of mutual benefits of divisions. It is important here to build the network based on dialogue and learn to reach compromise.

Thirdly, one of the major differences is the hierarchy. New network structure does not eliminate the hierarchy completely, but takes it over in a different form. Everything is arranged according to the criterion of the fastest possible flow of information. All privileged positions are liqui-

dated, and cooperative forms, joint decision-making and learning are introduced. This new hierarchy becomes a tool to coordinate and control activities due to higher quality of work, adaptation and use of knowledge. The emergence of synergistic effect, or what is known as the multiplier effect, is also an important issue. It consists in interaction between two or more entities that produces an effect greater than the sum of their individual effects. It improves the quality of decisions by eliminating negative characteristics, which include: a far-reaching secrecy, flattery, informing, sabotaging actions taken by individuals competing for high position in the organizational hierarchy.

Change of bonds

A new form of society is based on strong technological foundation. The digital revolution made interpersonal communication play the most important role in creating and maintaining social ties; it allows people to build a new kind of relationships, namely network ties, the natural environment of which is cyberspace. Classical concepts of social ties do not correspond to today's reality of communication. Even these theories that emphasize crucial role of communication cannot grasp the rich array of relationships in cyberspace. Such a theory is, for example, the system theory of Niklas Luhmann. In order to note inadequacy of this approach, it should be first illustrated and then criticized from the perspective of network paradigm.

Communication plays a great role in Niklas Luhmann's theory. Communication is the reason why systems are able to function properly; this is also the foundation for any interaction of a complex system. Communication is the operation, in which a change in some system A corresponds to a change in system B, whereas each of them may define its state in a different way (LUHMANN, 2007: 44). This understanding of the phenomenon of communication included in the theory of complex systems rules out previous functional thinking about the system as a whole consisting of elements and relationships between them. In the theory of complex systems, communication implies a selection of items, which leads to the reduction in complexity. The system, using communication, selects only these elements that have the ability to communicate. N. Luhmann rejects the metaphor of communication as a transmission of information from sender to receiver. This shows a two-part nature of communication process. However, N. Luhmann introduces different understanding of the

process, saying that communication is a three-part selection process. Communication creates its own horizon, from which it selects what has already been selected as information. Information content is a result of selection process and as such is made public. Selective nature of information itself is the moment of communication, because attention of the other participant in the communication process may be attracted. Information is therefore a choice of one or more alternatives from among a set of possibilities. Another selection process comes down to choosing an action that will include information to be transferred. The final step is to expect results of the communication process. Communication occurs only when these three selections will be combined in a unity. This unity must consist of distinction of information, its mediation and understanding; this is communication (Luhmann, 2006: 418).

According to Niklas Luhmann's concept, time is a very important factor, because it is one of the environmental dimensions that must be reduced. Temporal dimension is organized thanks to some mechanisms (such as a watch, for example). Time space of human activity becomes integrated into the content of the past, the present or the future. Time-frames are accepted by the system and embedded in it. The system, through its internal processes, organizes environment to acknowledge it as its own element that contributes to such system functioning. However, this concept seems to be considerably different from real phenomena that take place in modern society.

The emergence of new information technologies resulted in a change in time perception in all social areas simultaneously. The evolution towards information, network society causes the change in the meaning of time in actions taken by social actors. One may note that time in exact and natural sciences begins to take on the features of time in social terms, that is, the time referring to locality (ADAM 1990: 81). The relationship between time and its social understanding changes in social and cultural evolution; the informational revolution is another stage of this change. The system of time begins to be seen through the prism of new technologies, through which social evolution takes place (INNIS 1950: 89).

Manuel Castells in his concept of network society describes its characteristics through the change in the perception of time and space in network structures (such change of structures occurs at new stage of social evolution). Temporal and spatial dimension are very important in any analysis devoted to human life. M. Castells in his investigation shows the change in the perception of these dimensions of life by relating them

to new social context, which was developed on the basis of new information technologies (CASTELLS 2007: 381).

According to N. Luhmann, time is seen as environmental dimension which is reduced by means of certain mechanisms occurring in different functional systems of societies. Temporality is organized in line with principles which guarantee that a given social subsystem may freely function and develop its mechanisms and operations aimed at reducing complexity. Compared to the analysis presented by M. Castells, it seems to be unlikely that time could be organized in each system according to individual models. In Castells' concept, time – within the meaning proposed by Luhmann – may be referred to Gottfried Wilhelm Leibniz' inquiries. According to the latter, time as an order of phenomena, events and items happening one after the other. It is evident that the dimension of time is subordinated to the dimension of things, without which there would be no time within the meaning proposed by G. W. Leibniz. However, M. Castells notes a change in the perception of time. In his conception, he formulates the term *timeless time* (CASTELLS 2007). This phrase is to describe the temporality of modern society, that is network society.

M. Castells defines timeless time as a new context that appeared in network society and contributed to the change in the perception of time. Temporal dimension is shown as a product of social networks, which may cause some disruption to social phenomena following in succession. This means that on the one hand phenomena may overlap (some events will seek to occur immediately, regardless of their turn), while on the other hand, the established sequence of events may be broken. The separation of this new context of time from sequencing within the meaning of G. W. Leibniz demonstrates a new paradigm of time generated by network society; such time is more and frequently perceived as equivalent to eternity (CASTELLS 2007).

Network theorists emphasize the importance of network nature of relationships in modern society. Networks of relationships existed already in the past, but cyberspace has created new conditions for their establishment and organized them in a new form of virtual relations. Granovetter defines social network as a set of nodes or actors linked by social relationships or ties of a special type (GRANOVETTER 2000). It is clear that an emphasis was shifted from individual actors to ties that are noted for the content and strength of relationship. The analysis of relations in cyberspace should be focused on investigation of the nodes as well as the nature of their connections and virtual relationships which appear in the form of a network (HAYTHORNTHWAITE 1996).

The description of virtual relationship refers to their content and strength. The aspect of trust at a given level of relationships is a key issue here as well. Granovetter points to the symmetry of relations: unlike network exchange theories (for example in Lovaglia's concept), the analysis of social network should be focused on the quality of ties between individual entities. The position of the node in the network is also critical. Such position determines the node ability to create new connections, which contributes to the network enrichment with not only new actors but also their relationships with other elements in the network. Granovetter introduces the category of strength of ties which should be understood as the system of the amount of time, emotional commitment and trust that is specific to a given relational connection (GRANOVETTER 1995). Therefore, it is possible to make the distinction between network structures that lead to strong, weak or zero outcomes. This concept may be used to analyse any community; naturally, it also apply to the study of relationships in cyberspace. Granovetter believes that this is where weak ties are important, since generally they are symmetric, positive and typical of poorly committed actors. In contrast, strong ties are somehow a barrier to the flow of resources in the network, because they are unable to create new opportunities to build up relationships with other actors in network structure (which is due to deep commitment of actors bound with one another by such type of ties).

New culture

Culture in the traditional sense is no longer included in deliberations on network society. Achievements of cyberculture are significantly different from those described in classical definitions. Cyberculture seriously affects various spheres of human life, it enables people to create new works and allows better access to them. Culture becomes one, it entwines the whole world, different cultures intensively react with one another, thereby adding new value. In the world of network all cultures are linked forming a self-contained whole, to which each actor has access. What is important, binding the elements of culture also binds various actors, thus creating qualitatively new network of cyberculture. Relational ties that determine (i) the participation of different actors in the network and (ii) their ability to take joint activities becomes an issues of key significance. Creating culture and participating in it is relational, which means that each element placed in the network contributes to new quality of culture

through mutual interaction. Cyberculture goes beyond the flow of information effect; it combines many cultures by developing network ties, thereby showing us its full creative potential.

The analysis of new form of culture requires primarily an investigation into the relationships between actors in the network. It is necessary to depart from statistical analysis of the consumption of cultural goods by individuals. It seems important to see the links between creators and recipients (consumers) of culture as each connection implies modification to both subsequent relationships and positions of actors in the network. New dimension of culture, created by cyberculture, is a network space made up of various elements, and each component of virtual culture network is also a network, because it is innately linked to other networks (LATOURET 2010).

Cyberculture does not introduce a radically different environment into the world of real connections. It rather continues to be a binder of interpersonal relationships that allows people to establish communities, groups based on a set of common values. The novelty of these communities is that they have no place in the physical, real world: they function in cyberspace and are as variable as network relationships (meaning they appear and disappear equally quickly).

Cyberculture appears to us in the form of network and is made up of various elements that are networks. Therefore, posting a photograph on the Internet makes both photographer and photograph recipient involved in the culture distribution network but it also creates a new network of consumers of this work and authors who, under the influence of this photograph, may create something new, for example, transform the picture into another. This involves the creation of another network, and so on, and so on. Therefore, the culture of virtual space is a network which implies a lot of opportunities to create new relational connections between the network actors. Such brand new networks have creative potential, because new virtual communities and groups will be established on their basis. This does not mean, however, that these communities disintegrate as the network changes. Virtual culture determines such changes, it actually sets down conditions for itself. It demonstrates adaptive properties, which is why network communities are able to agree on the principles of establishment of new relationships. They are capable of building up such relationships, so that they can survive in an environment of constant change (NOWICKA 1998). Cyberculture depends largely on the relations between particular actors in the network; this is why rela-

tional bonds between entities are so important in the analysis of cyberspace culture. These bonds have the potential to either develop the existing network, or create a new one. Each actor has creative potential, which means he may be a culture creator, an initiator of some change in the philosophy of life or a promoter of new ideology, trend or fashion. He also contributes to cultural development simply through his reception of some works of art. An ability to change is determined by the position a given actor holds; his authority in terms of economic and political power is not important here. What matters, is such actor's capability to create new relational ties, which will then affect the existing relationships (KRAJEWSKI 2010).

An ability to establish new relationships in the network is no longer assigned only to the creators of culture. This understanding is typical of classical definitions of culture, where the relationship between the author of a given work and its recipient was highly asymmetric, because the latter remained passive. Relational bonds allow each entity in the network to create, regardless of such entity participation in cultural heritage. Each actor may contribute to some modification, to the creation of something new, thereby being an inspiration for the main creator. However, cyberculture, a prerequisite for the existence of a given network, affects decisions regarding the operations of each of its members. It lays down the rules relating to (i) the functioning in the network, and consequently (ii) the network change. Each activity in the network is embedded in particular culture and is a result of this and no other ties with other actors in the network. Then this action significantly affects the network, that is our present and future relationships with other actors.

Virtual culture

Cyberculture emerged from technological revolution. However, one cannot fail to notice that it affects the meatspace culture. Thanks to new technologies, with the Web 3.0 generation in the front, cultural relations in network society have become dynamised. It is necessary to recognize the impact of cyberculture on new opportunities to transmit, receive, learn and promote culture.

Organizations embracing members from all over the world to help them taken synchronized activities in many areas of cultural operations, are perfect example of cultural activity based on network functioning in cyberspace. There are two dimensions of network functioning that should

be mentioned: network as cyberspace, or the place where it is possible to encounter many cultural entities, and network as some form of cooperation (WALUCH 2012).

Activities in cyberspace may also affect the aspect of development of a given community, region or city. Regional development is often referenced and narrowed to economic development. However, it can be seen that economic actions taken by people depend largely on their cultural development. Therefore, culture can be treated as an important element in promoting regional development. Max Weber presented such a view in his work: according to him, culture widely influences the functioning of society, which justifies the involvement of many actors in this sphere of life. Persistence and change in cultural behaviours affects behaviours in politics and economy, which directly or indirectly affects the development of a given area (F. Fukuyama, S. Huntington, R. Putnam) (WALUCH 2012).

According to classical theories, cultural capital develops as a result of institutionalization of actions taken in a particular area. Just as the network expands, this process becomes more dynamic, and this is caused by the growing importance of informal relationships in partnerships. Owing to synergy effect, such relationships enrich partnerships with new, innovative strategies for action. Due to the strength of weak ties, developmental processes are enriched with new members of network, which causes the accumulation of cultural capital of a given community.

Another matter associated with regional development is the importance of cultural factors. More and more sociologists and economists note that cultural aspects in economic activity are increasing in importance. The problem of social and cultural capital arouses interest of a growing number of scientists conducting research in social science, including, for example, the concept of J. S. Coleman, for whom social capital comes down to cultural ability of social actors to cooperate. According to P. Bourdieu, social capital is the sum of capitals and power in the network, which is conditioned by cultural structure. It must be mentioned that it depends largely on the participation in culture. The concept of cultural origins of social capital by Fukuyama is also an important theory. This researcher distinguished human capital and social capital; the difference between them is that the latter is created and transmitted through cultural mechanisms which include: religion, traditions, customs, etc. (FUKUYAMA 1997).

Sometimes networks aimed to develop specific community spread its activity, which leads to the full bloom of global culture. A collaboration platform called Kulturmanagement Network, founded in 1996, is an interesting example thereof. Its main objective was to promote cultural language, but over time it turned into a network used to exchange flows on an international scale. The platform specialized in gathering information on cultural policy and management in the field of culture. This is precisely where a tendency to promote development by combining the sphere of culture with the sphere of economy becomes evident. Furthermore, Kulturmanagement Network encouraged network participants to exchange their experiences and observations. In 1999, the platform founders established Arts Management Network, which was able to embrace many partners from different parts of the world.

Virtual reality, along with the emergence of expanding range of new communities, is characterized by great variety of forms and ways of interactions. New digital media carry this feature into the real world, which also becomes fluid, volatile and flexible. New systems of interactive connections are emerging. They are noted for self-organization, which is a key factor in keeping individual communities and relationships in some order. The network is characterized by extreme openness, and thus by permanent ability to expand its borders. These new form of interaction must also be dynamically organized, which means that it cannot be treated as a structure, but rather as a process. Network self-organization is such process; the actions taken by individuals always refer to the whole, which is referred to as emergentism. The analysis of social networks must relate to permanent change, it cannot come from simple algorithms or data of output parameters. Relationality is not only attributable to new digital media, but also to cultural goods produced within the network.

Bibliography

- Adam, B. (1990). *Time and social theory*. Cambridge: Polity Press.
- Castells, M. (2007). *Społeczeństwo sieci*. Warszawa: PWN.
- Fukuyama, F. (1997). *Zaufanie: kapitał społeczny a droga do dobrobytu*. Warszawa – Wrocław: PWN.
- Granovetter, M. (1995). *Getting a job: a study of contacts and careers*. Cambridge: Chicago University Press.
- Granovetter, M. et al. (2000). *Social networks in Silicon Valley*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Haythornthwaite, C. *Social network analysis: an approach and technique for the study of information exchange*. Library and Information Science Research No 18.
- Innis, H. (1950). *Empire and communications*. Oxford: Clarendon Press.
- Krajewski, M. (2010). Władza horyzontalna. O życiu po śmierci Michaela Jacksona. In: M. Staniszewski (ed.), *Miasto przywództwa*. Poznań: Wydawnictwo Forum Naukowe.
- Latour, B. (2010). *Splatając na nowo to, co społeczne. Wprowadzenie do teorii aktora-sieci*. Kraków: Wydawnictwo Universitas.
- Luhmann, N. (2006). Pojęcie społeczeństwa. In: A. Jasińska-Kania et. al. (eds.), *Współczesne teorie socjologiczne*, vol. 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.
- Luhmann, N. (2007). *Systemy społeczne. Zarys ogólnej teorii*. Kraków: Zakład wydawniczy NOMOS.
- Mundy, S. (1999). *The context and structure of European cultural networks*. Den Haag: Raad von Cultuur.
- Nowicka, E. (1998). *Świat człowieka – świat kultury*. Warszawa: PWN.
- Waluch, K. (2012). *Sieci współpracy kulturalnej w Europie*. Warszawa: Wydawnictwo Difin SA.

Реляционные связи в киберкультуре

Резюме

Современная культура характеризуется новыми особенностями, которые влияют на сообщества совершенно по-другому, по сравнению с тем, как это происходило в прошлом. Парадигма сетевого общества позволяет нам увидеть новую природу культуры, отображая её как сеть реляционных связей. Это новое явление, также известное как киберкультура, становится возможным благодаря созданию более широкой сети связей между культурными группами создателей и получателей (потребителей).

Ключевые слова: киберкультура, сеть отношений, социальные сети.

SOCIĀLO INVESTĪCIJU PIEEJAMĪBA BĒRNIEM PIRMSSKOLAS VECUMĀ VIDZEMES REĢIONĀ

Raksta mērķis ir analizēt pirmsskolas vecuma bērnu atbalsta politikas skatīties no sociālo investīciju paradigmas prizmas, īpaši apskatot pirmsskolas bērnu aprūpes pakalpojumu pieejamību Vidzemes reģionā. Lai sasniegtu mērķi tika veikta dokumentu un normatīvo aktu analīze, veiktas vecāku aptaujas pirmsskolas izglītības iestādēs un intervijas ar pašvaldības pārstāvjiem izglītības un sociālajā jomā, kā arī ar pašvaldības pirmsskolas izglītības iestāžu (turpmāk – PII) pārstāvjiem.

Ir svarīgi pētīt pirmsskolas vecuma bērnu atbalsta politikas, jo šis ir nozīmīgākais cilvēka vecumposms. Pētījumi ir pierādījuši, ka investīcijas tieši šajā vecumā nes vislielāko atdevi. (OECD 2013).

Pētījums parādīja, ka Vidzemes reģionā vēl aizvien dominē veco, jeb “pasīvo” atbalstu veidu sistēma, bet arvien aktuālāka kļūst pāreja uz sociālo investīciju politikām, kas tiek panākta atbalstot vecāku piekļuvi sociālo investīciju pakalpojumiem un palielinot atbalstu vecākiem, kas atrodas vecāku atvaļinājumā. Bērnu aprūpes pakalpojumu pieejamība Vidzemes reģionā kopumā ir apmierinoša, tikai Strenču novadā, kas var tikt raksturots kā trūcīgākais no pētāmajiem novadiem, izpaužas Mateja efekta iezīmes. Pakalpojumu pieejamību Vidzemes reģionā tiek stimulēta ar bezmaksas transportu, PII maksas atlaidēm trūcīgām, maznodrošinātām un daudz bērnu ģimenēm un piedāvājot pakalpojuma īpašas formas – pakalpojumus bez ēdināšanas. Tomēr, lai sociālo investīciju ietekme būtu efektīvāka, valsts līmenī jāatrisina pirmsskolas izglītības maksas jautājums, kas ir aktuāls visā Vidzemes reģionā, jo īpaši Strenču un Cēsaines novadā, kur iedzīvotāju finansiālais stāvoklis ir relatīvi zemāks.

Atslēgas vārdi: sociālās investīcijas; pirmsskolas izglītība; vecāku atvaļinājumi, zemu ienākumu ģimenes; Mateja efekts.

Kopumā ģimenes, un tai skaitā pirmsskolas vecuma bērnu atbalsta politikas ir ļoti mainījušās laika gaitā, tomēr kopš 1990-tajiem gadiem arvien aktuālas ir kļuvušas sociālo investīciju politikas. (Cantillon 2011) Mūsdienās atbalsts ģimenēm tiek koncentrēts vairāk uz aktīvo politiku, lai vecāki spētu sabalansēt darba un ģimenes dzīvi. Vecā “pasīvā” ģimenes politika vairāk koncentrējās uz bērnu pabalstu sistēmu, bet jaunā “aktīvā” ģimenes politika vairāk koncentrējas uz bērnu aprūpes pakalpojumiem un vecāku atvaļinājumiem. (Ghysels, Lancker, 2011) Pašā pamatā “labi īstenotas” sociālās investīcijas agrīnā vecumā samazina noziedzību, palie-

lina izglītības ieguvēju skaitu, rada vairāk kvalificētus darbiniekus nākotnē, un sniedz citus labumus sabiedrības un indivīda līmenī. (OECD 2013) Tomēr tā kā sociālo investīciju politikas vēl ir tikai pārejas procesā, un ņemot vērā, ka tās pārsvarā ir uz pakalpojumiem virzītas, to aptveramībā var būt problēmas, jo pakalpojumi paši par sevi ir grūtāk pārdalāmi, kā citi atbalsta veidi. (Cantillon 2011)

Latvijas situāciju pašlaik var raksturot kā pāreju no vecās “pasīvās” ģimenes atbalsta politikas uz jauno “aktīvo” ģimenes politiku – kas arvien vairāk koncentrējas uz bērnu aprūpes pakalpojumiem un atbalsta palielināšanu vecākiem, kas atrodas vecāku atvaļinājumos. (Ghysels, Lancker, 2011) Atbalsta apmērā ir vērojamas pozitīvas tendences, jo neskatoties uz ekonomiskās krīzes atstātajām sekām, kopš 2014. gada ir palielināts bērnu kopšanas pabalsta minimālais apmērs no Ls 100 līdz Ls 120,18 jeb EUR 171. Kopš 2010. gadā ir krietni palielinājušies nodokļu atvieglojumi par apgādājamajām personām, ja 2010. gadā likme bija Ls 63, tad sākot ar 2014. gada 1. janvāri nodokļu atvieglojums par apgādībā esošu bērnu ir palielinājies līdz Ls 115, 96 jeb EUR 165. (Saeimas sabiedrisko attiecību birojs, 2013) Un, lai gan 2009. gadā vecāku pabalstam un 2010. gadā maternitātes un paternitātes pabalstam tika uzlikti izmaksāšanas griesti, ir notikusi ievērojama griestu pacelšana no 11, 51 latiem (jeb 15,65 EUR) dienā līdz 32,75 EUR dienā sākot ar 2013. gadu. (VSAA 2014) Kas parāda, ka ģimenes atbalsta politika Latvijā ir prioritāra.

Pētījumā apskatot Vidzemes reģiona novadus, kur dzimstības rādītāji ir augstākie – Smiltenes un Beverīnas novads, un novadus, kur tā ir viena no zemākajiem – Strenču un Cēsvaines novads, kā arī republikas nozīmes pilsētu – Valmieru, vērojams, ka atbalsta apjomā un aptverto personu lokā ir atšķirības. Kā iemesls šādām atšķirībām parādījās pašvaldību finansiālais stāvoklis. Piemēram, Strenču un Cēsvaines gadījumā ir noteikts tikai trūcīgā statuss, kamēr Valmierā, Smiltenes un Beverīnas novadā tiek atbalstītas arī maznodrošinātas ģimenes. (Reima 2014)

Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likuma 35. pantā paredzēts, ka pašvaldības piešķir šādus pabalstu veidus (Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums 2002): no pamatbudžeta izmaksā pabalstu GMI līmeņa nodrošināšanai un dzīvokļa pabalstu, bet neizvērtējot personas (ģimenes) ienākumus, pašvaldība var piešķirt personai (ģimenei) vienreizēju pabalstu ārkārtas situācijā. Turklāt, izvērtējot ģimenes (personas) ienākumus, pašvaldība ir tiesīga no pašvaldības pamatbudžeta izmaksāt arī citus pabalstus ģimenes (personas) pamatvajadzību apmierināšanai.

Papildus minētajiem atbalsta veidiem Vidzemes reģionā ģimenes ar pirmsskolas vecuma bērniem tiek atbalstītas caur pabalstu bērna piedzimšanas gadījumā, kā arī, izvērtējot ģimenes materiālo stāvokli, tiek piedāvāti sekojoši atbalsta veidi: atlaides PII maksai, pabalsts daļēju medicīnisko izdevumu apmaksai (izņemot Strenču novadu) un palīdzība dzīvokļu jautājumā risināšanā (izņemot Strenču novadu). (Reima, 2014) Reģiona pētītajās teritorijās bija atrodamī arī atbalsta veidi, kas raksturīgi tieši konkrētajām pašvaldībām. Valmierā vecākiem ir iespēja saņemt pabalstu sociālā dzīvokļa uzturēšanai (Saistošie noteikumi Nr. 51), Beverīnas novadā vecākiem ar pirmsskolas vecuma bērniem ir iespēja saņemt pabalstu mācību gada uzsākšanas – vienreizējs pabalsts EUR 28,46 trūcīgām un maznodrošinātām ģimenēm (Saistošie noteikumi nr. 21). Savukārt tikai Smiltenes novadā vecākiem ir pieejams pabalsts bezmaksas ēdināšanai – zupas virtuve vai pabalsts līdz EUR 14,23 mēnesī, un ģimenes pabalstu, kas ir vienreizējs pabalsts EUR 28,46 apmērā trūcīgām un maznodrošinātām ģimenēm. (Saistošie noteikumi nr. 7/09)

Dati parāda, ka kopumā ģimenēm ar pirmsskolas vecuma bērniem Vidzemes reģionā galvenokārt pieejami tradicionālie atbalsta veidi naudas pārskaitījuma veidā. Tomēr arvien aktuālāks kļūst vecākiem sniegtais atbalsts sociālo investīciju izmantošanai, kas tiek koncentrēts uz maznodrošinātām, trūcīgām un daudz bērnu ģimenēm. (Reima, 2014)

Kopumā Vidzemes reģionā galvenie pirmsskolas izglītības un aprūpes pakalpojumu sniedzēji ir pašvaldības PII un pirmsskolas izglītības grupas vispārīzglītojošajās skolās. (Reima 2014) Jāpiebilst, ka pirmsskolas pakalpojumu pieejamība, saistībā ar Darba likumi, ir īpaši aktuāla no bērna pusotra gada vecuma (Darba likums 2002), un tieši no šī vecuma kopš 2011. gada pašvaldībām noteikts nodrošināt vienlīdzīgu pieeju pirmsskolas izglītības iestādēm. (Izglītības likums 1998)

Pirmsskolas pakalpojumu kvalitāte Vidzemes reģionā tiek vērtēta kā augta, gan no vecāku, gan PII darbinieku un pašvaldības pārstāvju puses, atzīstot, ka PII pakalpojumiem ir pozitīva ietekme uz bērna attīstības veicināšanu. Vecāki visaugstāk pakalpojumu kvalitāti vērtē Cesvaines novadā, kur par labas vai ļoti labas kvalitātes pakalpojumiem tos atzina 97,1% respondentu, bet relatīvi zemāki rādītāji parādījās Smiltenes novadā – 76,9%. Pie kvalitātes uzlabošanas Vidzemes reģiona tiek nepārtraukti strādāts caur infrastruktūras uzlabošanu, darbinieku kvalifikācijas celšanu un vecāku iesaistīšanu PII darbībā. (Reima 2014)

Attiecībā uz pirmsskolas izglītības un aprūpes pakalpojumu pieejamību, galvenie faktori, kas ietekmē pakalpojumu pieejamību Vidzemes

reģionā ir transporta pieejamība (atlaides sabiedriskajā transportā un/ vai bezmaksas skolas autobuss) bērna nogādāšanai PII, kas no pašvaldības puses tiek piedāvāta Strenču, Cēsaines un Smiltenes novada. Turklāt, lai veicinātu šāda atbalsta izmantošanu Cēsaines novadā tiek algots skolēnu pavadonis, lai vecākiem pašiem nebūtu transportā jāpavada bērns uz izglītības iestādi. Šāda veida atbalsts ir svarīgs, jo attālums līdz pirmsskolas izglītības iestādei dažos novados sastāda pat 45 km, kas rada gan papildus izmaksas, gan prasa no vecākiem papildus laiku. (Reima, 2014) (Hansen, Joshi, Verropoulou 2006)

Otrs faktors, kas ietekmē pirmsskolas pakalpojumu pieejamību Vidzemes reģionā ir izdevumu segšanas. Atbalsts PII ēdināšanas izdevumu atmaksas segšanai Vidzemes reģionā tiek sniegts trūcīgām, maznodrošinātām un daudz bērnu ģimenēm. (Reima 2014) Tomēr atbalsta lielums un aptverto bērnu loks atšķiras starp administratīvajām teritorijām, skatīt tabulu nr. 1.

1. tabula

**PII atlaižu lielums un noteikumi
Vidzemes reģiona novados un Valmierā**

Pabalsta veids	Valmiera	Smiltenes novads	Beverīnas novads	Cēsaines novads	Strenču novads
Atlaides PII	100% apmērā bērniem no trūcīgām ģimenēm; 50% maznodrošinātām ģimenēm; 30% – daudz bērnu ģimenēm (kopš 2008. gada)	50% – trūcīgām ģimenēm ar bērniem, ja vecāki ir nodarbināti un maznodrošinātām ģimenēm ar bērniem, kurās nav darbspējīgu personu 100% – daudz bērnu ģimenēm	100% trūcīgām ģimenēm; 100% – daudz bērnu ģimenēm	100% trūcīgām ģimenēm obligātajai pirmsskolas izglītības apguvei (5, 6 gadi); 50% – daudz bērnu ģimenēm. Kopš 2012. gada	100% trūcīgām ģimenēm (ja netiek saņemts GMI pabalsts 2013. gada

Avots: Valmieras pilsētas pašvaldības Saistošie noteikumi Nr. 52; Smiltenes novada pašvaldības saistošie noteikumi Nr. 7/09; Beverīnas novada pašvaldības saistošie noteikumi nr. 21; Cēsaines novada domes Saistošie noteikumi Nr. 4, Strenču novada pašvaldības saistošie noteikumi Nr. 25/2013.

Īpašs akcents jāliek uz Strenču novadu, jo, lai gan pārējos novados atbalsts trūcīgām ģimenēm tiek sniegts lielākā apmērā, redzams, ka Strenču situācijā atbalsts ir saistīts ar citu trūcīgām ģimenēm nozīmīgu

atbalsta veidu, jeb GMI pabalstu, kas kavē trūcīgas ģimenes atbalstu izmantot. To pierādīja arī pētījuma rezultāti, jo tieši Strenču novadā pakalpojumu izmantojums pirms obligātā pirmsskolas vecuma bērnu vidū procentuāli zemāks. Ja Cesvaines novadā PII apmeklējums pirmsskolas vecumā sastāda 79 %, tad Strenču novadā tas ir 51%. (Reima 2014) Skatīt tabulu nr. 2

Dati parāda, ka tieši vietās, kur atbalsts trūcīgajiem vecākiem ar bērniem pirmsskolas vecumā ir relatīvi mazāks arī pirmsskolas izglītības pakalpojumu izmantojums ir zemāks. Kā īpaši problemātiska situācija var tikt akcentēta Strenču novada Sedas pilsēta, kur vecāku finansiālais stāvoklis ir relatīvi zemākais. (Reima 2014)

Šādas tendences parāda, ka, lai gan vecāki ar bērniem pirmsskolas vecumā ar katru gadu tiek atbalstīti arvien lielākā mērā gan valsts, gan vietējā līmenī, pakalpojumu aptveramība nav apmierinoša trūcīgajās Vidzemes reģiona teritorijās, kur pašvaldības nevar atļauties sniegt “pilnīgu” atbalstu pirmsskolas pakalpojumu apmeklēšanai trūcīgiem bērniem. (Reima 2014)

2. tabula

Pirmsskolas izglītības un aprūpes pakalpojumu apmeklētība bērniem pirms obligātā pirmsskolas vecuma Vidzemes reģiona novados un Sedā

	Strenču novads	Seda	Smiltenes novads	Cesvaines novads	Beverīnas novads
Dzimušo bērnu skaits no 2009–2012. gadam	96	37	540	81	137
Bērnu skaits PII līdz 5 gadu vecumam	49	17	341	64	88
%	51,0	45,9	63.1	79.0	64.2

Avots: Reima, 2014.

Situācija izraisa bērnu diskrimināciju starp novadiem pirmsskolas izglītības un aprūpes pakalpojumu saņemšanas jomā, un parāda, ka “trūcīgākās” pašvaldībās izpaužas Mateja efekts, kad vidējais un augstākais sabiedrības slānis šos pakalpojumus izmanto lielākā mērā. Šāda veidā negatīvi tiek ietekmēta bērnu attīstība un nākotnes panākumi, un sociālās investīcijas tiek novirzītas no grupas, kurai tās nepieciešamas lielākā mērā – bērniem, kas atrodas finansiāli nelabvēlīgā situācijā. Tādā veidā netiek

lauzts paaudžu mantojamības loks un veidojas nelabvēlīgs sociālo investīciju pārdales efekts, izpaužoties Mateja efektam. (Cantillon 2011) Tādēļ nākotnē uzlabojumi būtu jāveic pirmsskolas izglītības un aprūpes pakalpojumu pieejamības jomā, lai pakalpojumi būtu vienlīdz pieejami visām sabiedrības grupām, jo īpaši bērniem no trūcīgām ģimenēm.

Bibliogrāfija

- Beverīnas novada pašvaldība. *Saistošie noteikumi nr. 21*. [In Latvian] Pieejams: http://www.beverinasnovads.lv/index.php?option=com_content&view=article&id=1960&Itemid=310 (skat. 02.02.2014.)
- Cantillon, B. (2011) The paradox of the social investment state: growth, employment and poverty in the Lisbon era. *Journal of European Social Policy* № 21, str. 432–449. (In English)
- Cesvaines novada dome. *Saistošie noteikumi Nr. 4*. [In Latvian] Pieejams: <http://www.cesvaine.lv/pasvaldiba/normativie-akti-un-attistibas-planosanas-dokumenti/saistosie-noteikumi.html> (skat. 24.02.2014)
- Ghysels, J., Lancker, W. V. (2011) The unequal benefits of activation: an analysis of the social distribution of family policy among families with young children. *Journal of European Social Policy* № 21, str. 472–485. (In English)
- Hansen, K., Joshi, H., Verropoulou G. (2006) *Childcare and Mothers' Employment: Approaching the Millennium*. [In English] Pieejams: <http://db.va.lv:2157/content/195/1/84.full.pdf+html> (skat. 30.03.2014)
- LR Saeima. "Izglītības likums" 1998. gads. [In Latvian] Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=50759> (skat. 25.05.2013.)
- Lielbārde, Z. (2013) *Valsts atbalsts, ja bērnam nav vietas pašvaldības dārziņā. Kā to varēs saņemt?* [In Latvian] Pieejams: <http://www.lvportals.lv/likumi-prakse/256954-valsts-atbalsts-ja-bernam-nav-vietas-pasvaldibas-darzina-ka-to-vares-sanemt/> (skat. 20.05.2014)
- LR Saeima. "Darba likums" 2002. gads. [In Latvian] Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=26019> (skat. 19.05.2013.)
- LR Saeima. "Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums" [In Latvian] Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=68488> (skat.20.05.2013.)
- OECD Family Database (2013) *Public spending on childcare and early education*. [In English] Pieejams: <http://www.oecd.org/els/soc/PF3.1%20Public%20spending%20on%20childcare%20and%20early%20education%20-%2020290713.pdf> (skat. 02.05.2014.)
- Reima, K. (2014) *Pirmsskolas vecuma bērnu atbalsta politika Vidzemes reģionā 2009–2013: gadījumu analīze*. Vidzemes Augstskola. Bakalaura darbs, 122 lpp.
- Saeimas sabiedrisko attiecību birojs. *Infografika*. [In Latvian] Pieejams: <http://www.saeima.lv/lv/par-saeimu/informativie-materiali-par-saeimu/infografika-ienakumi-pabalsti-nodokli-izmainas-kas-stajas-speka-no-2014-gada-1-janvara> (skat. 07.02.2014)

- Smiltenes novada dome. *Saistošie noteikumi nr. 7/09*. [In Latvian]. Pieejams: <http://www.cesvaine.lv/pasvaldiba/normativie-akti-un-attistibas-planosanas-dokumenti/saistosie-noteikumi.html> (skat. 02.02.2014.)
- Strenču novada dome. *Saistošie noteikumi Nr. 25/2013*. [In Latvian] Pieejams: http://www.strencunovads.lv/docs/1026/Domes%20seedes%202013/SN-25-2013_Par_soci_lo_pal_dz_bu.doc (skat. 02.02.2014.)
- Valmieras pilsētas pašvaldība. *Saistošie noteikumi Nr. 52*. [In Latvian] Pieejams: http://www.valmiera.lv/sites/default/files/piel_711_pasvaldibas_pabalsti_konsolideta_versija.doc (skat. 02.02.2014.)
- Valmieras pilsētas pašvaldība. *Saistošie noteikumi Nr. 51*. [In Latvian] Pieejams: http://www.valmiera.lv/sites/default/files/51_saistoso_noteikumu_konsolideta_versija.doc (skat. 02.02.2014.)
- Valsts sociālā apdrošināšana. *Pakalpojumi-Vecākiem*. [In Latvian] Pieejams: <http://www.vsaa.lv/lv/pakalpojumi/vecakiem> (skat. 17.12.2012)

Access to Social Investment for Pre-school Children in Vidzeme Region

Summary

Social investments are important for a child development and future success. Parental leaves and Early Childhood Education and Care services (ECEC) are among main forms of social investment, contributing to child poverty reduction and increasing equality, as well as underpinning the potential for skilled workers in the future. (OECD 2013) The goal of article is to analyze pre-school age children's support policies in Vidzemes region, especially looking at availability of early childhood education services (ECEC) and parental leaves. To achieve goal of this research the analysis of policy documents was performed, parent's surveys in pre-school institutions were conducted and interviews with pre-school institution representatives, the local authorities in education and social sector and were conducted.

Research shows that Vidzemes region is still mainly dominated by old – “passive” form of support system, but social investment policies are becoming increasingly more important, which is achieved by supporting parents' access to social investment services and by increasing amount of parental leave benefit. Availability of ECEC in the Vidzeme region is moderate, and only in Strenču region features of Matthew effects is spotted, where poor families use ECEC to a lesser extent than in other parts of the Vidzeme region. ECEC availability is stimulated by free transport services, ECEC fee discounts for poor, low-income and large families and by offering a special service forms – service without food services. Results show that the availability of ECEC is being improved, but for a maximum effect pre-school fee issue has to be resolved, which was manifested in poorer areas of Vidzeme region.

Key words: social investment; pre-school education; parental leaves, low-income families; Matthew effect.

EUROPEAN PROGRAMS OF HUMAN CAPITAL AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL COMPETITIVENESS. ON THE EXAMPLE OF POLAND

The unification of Europe through the European Union really changed the balance of political forces and geographical, social and economic perspective on the continent. It contributed to the unification, but at the same time showed national differences of individual countries. At the same time-entered a number of European programs really contributed to regional development on many levels. One of them is human capital, one of the most important in the functioning of modern societies. How European programs influence the development of competencies of individual societies? What are their advantages and disadvantages? Do they really fulfil their role? Among other things, these questions will be answer in this article. The analysis will be based on the example of Poland.

Key words: European programs, human capital, intellectual capital, regional competitiveness, regions, European Union.

In recent years Europe has faced many of economic and social difficulties like continued financial troubles, rising unemployment and social tensions in several European economies. These concerns brought question of the very viability of the euro and have raised the need to rethink the European Union project itself. The gravity of the crisis and the present fear that financial contagion may spread from Greece to other European countries, specially southern – like Italy and Spain – and then in the rest of Europe, created an economic and financial reflection. Those issues became the world's headlines and European policy-makers' attention. The question of how to create competitive economies which could bring a refreshment in European Union was settled out. Competitive economies are those that are able to provide high and rising living standards, allowing all members of a society to contribute to and benefit from these levels of prosperity. They are also sustainable – are able to meeting the needs of the present generation and maintaining the ability to meet those of future generations. One of the idea of the World Economic Forum became the development of regional competitiveness by a raise of human capital (Dijkstra, Annoni, Kozovska 2011). For this reason European Union prepared some programs. How they are influence the development of competences of individual societies? What are their advantages and disad-

vantages? Do they really fulfil their role? Among other things, these questions will be answer in this article. The analysis will be based on the example of Poland.

Human Capital and it's Indicators for Sustainability

The concept of human capital is known for many years. It was developed in the 1960s by a group of economists associated with the University of Chicago, but the idea that investment in education has a long-term economic and social payoff for the individual and society at large goes back to Adam Smith at least. The earliest formal use of the term “human capital” in economics is probably by Irving Fisher in 1897 (Fisher 1897). It was later adopted by various writers but did not become a serious part of the economists’ lingua franca until the late 1950s. It became more popular after Jacob Mincer’s and Becker’s articles (Becker 1964).

Human capital has many definitions. Can be defined as:

- the aggregation of investments in such areas as education, health, on-the-job-training, and migration that enhance an individual’s productivity in the labour market, and also in non-market activities (Becker 1964).
- the skills the labour force possesses and is regarded as a resource or asset (Oxford English Dictionary). It encompasses the notion that there are investments in people (e.g., education, training, health) and that these investments increase an individual’s productivity.
- some definitions of human capital (Laroche, Mérette, Ruggeri 1999) include the innate abilities as well as the knowledge and skills that individuals acquire throughout their lifetimes. It is argued if those depends partly on their initial abilities, this potential is an important aspect of the human capital concept. Those authors identify five aspects or characteristics of human capital that merit attention:
 - human capital is a non-tradable good embodied in human beings, although the flow of services generated by human capital is marketed;
 - individuals, particularly the young, do not always control the channel or pace by which they acquire human capital;
 - human capital has a qualitative as well as a quantitative aspect reflecting the quality of the educational inputs;
 - human capital can be either general in nature or specific to a firm or sector;
 - human capital generates individual and social externalities.

In last years very important became also the human capital theory. It becomes next to knowledge-based sectors (e.g. the manufacture of ICT devices, pharmaceuticals, telecommunications and other ICT-based services, R&D) and skills a central issue for policy-makers and practitioners engaged in economic development both at the national and regional level (*The knowledge-based economy* 1996).

The development of regional competitiveness

In a globalised and strongly competitive world, organizations, regions and nations have to develop new forms of economic value and comparative advantage. We are in the age of knowledge so the human capital must play an inevitable and prominent role in enhancing competitiveness. The significance of the phenomena of the human capital as a fundamental source of sustainable competitive advantage is highlighted and widely acknowledged (Bontis 2004).

Last years proved that regions are the primary spatial units within which knowledge and innovation are produced. Many researchers says that they are perceived as central units of economic study, where political and social processes and interactions occur (Amin 1994, Clavel 1998, Giddens 1998, Harvie 1994, Sharpe 1993). Regions are usually recognized as a part of global system of many interactions where private and public sector meet. Because of this if the regions want to meet the challenges of today's global economy, should permanently strengthen their competitive capabilities – increasing international interdependencies forces that human capital becomes perceived as a cornerstone of growth and development.

Regions became so important for European Union policy that few years ago the EU Regional Competitiveness Index (RCI) have been created (Dijkstra, Annoni, Kozovska 2011). This is the first composite indicator which provides a synthetic picture of territorial competitiveness for each of the NUTS 2 regions of the 27 EU Member States. As a based to construct RCI was the Global Competitiveness Index of the World Economic Forum (WEF). RCI was built on and modified the approach of GCI. It consists of eleven pillars grouped in three groups: Basic, Efficiency and Innovation. It takes into account the level of development of the region by emphasising basic issues in less developed regions, and innovative capacity in more developed regions. The scope of the pillars is not only to measure issues relevant to firms but also those relevant to residents of the regions in question and their quality of life.

The traditional images of Europe is a “blue banana” (Hospers 2003) which is not confirmed by the analysis of EU Regional Competitiveness Index. The RCI reveals a more polycentric pattern with high scores in many capital regions and other regions with large cities. According to that eastern and southern European regions tend to score lower than regions in northwest Europe. The gap between the competitiveness of the capital region and the surrounding regions is very high in Central and Eastern Europe. According to the authors this suggests that regional spillovers are not as effective in these countries. The substantial disparities within several countries also highlight the need for regional analysis and the limits of a purely national approach.

European programs – Polish example

Since many years European Union is trying to develop the human capital by several programs. From the 1st May of 2004 also Poland is taking part of this community and participate in the development of regional competitiveness by the human capital programs. One of the most important is the Operational Programme Human Capital, started on 28 September 2007. It is one of the programmes devised to implement the National Strategic Reference Framework (NSRF) 2007–2013 and it covers the entire intervention of the European Social Fund (ESF) in Poland. From the found of this program a lot of project have been realised on the regional level. One of them is *Kapitał Intelktualny Lubelszczyzny 2010 – 2013. Lubelskie. Tu mieszkam, studiuje, pracuje* (Intellectual capital of Lublin 2010 – 2013. Lublin. Here I live, study and work) (*Kapitał intelektualny Lubelszczyzny*). The goal of this project was to examine the intellectual capital of the province of Lublin and lay the foundation to make key decisions about the region and its inhabitants. Implementation of the project, in addition to numerous research and analytical also included extensive public consultation with local communities.

The second very important program for develop of the human capital on the regional levels is Erasmus +. The came into life on the 1st January 2014 and replaced existing programs: “Learning for life” (and its sectoral programs – Erasmus, Leonardo da Vinci, Comenius and Grundtvig), share the Jean Monnet program “Youth in Action” and five other programs (such as Erasmus Mundus and Tempus). For the first time in the history of the educational programs of the European Union will also support initiatives related to sports. The program is planned for seven years, until 2020

(Erasmus +). The big advantage of this program is the possibility of collaboration on the international level. The Lublin example of the regional development on this level is the WISE project (Welfare for Improved Social dimension of Education) won by the John Paul II Catholic University of Lublin together with the Sacro Cuore Catholic University of Milan (WISE project). The project will start soon.

Others important programs for the develop of regional competitiveness on the economical and human level are Leonardo da Vinci program which the main goal is to organizing trips abroad for students, staff, graduates and the unemployed, as well as trainers. The aim of the visits is to train and gain practical work experience (practice and internships) or meeting interesting solutions, methods and practices in the field of vocational education and training (exchange of experience) (Leonardo da Vinci Programme). The other is called Grundtvig program and focuses on non-professional adult education and promotes cooperation at European level in this area. It is addressed to various types of non-professional organizations involved in adult education – their listeners and employees. Primarily promotes cooperation in the field of adult education, which are in support of vulnerable groups, such as people with disabilities, the elderly, and ethnic minorities, people with low qualifications, as well as living in areas with limited access to learning opportunities for adults (Grundtvig Programme). In both of those programs Poland is very active.

At the end it is necessary to mention about regional programs like Program Współpracy Transgranicznej Polska-Białoruś-Ukraina (Cross-border Cooperation Programme Poland – Belarus – Ukraine 2007 – 2013), economical programs like PO Innowacyjna Gospodarka (Innovativ Economy Program), Program Rozwoju Obszarów Wiejskich na lata 2007–2013 (The Rural Development Programme for 2007–2013) or about the regional operational programs, like RPO Województwa Lubelskiego (ROP LV). All of those programs are developing well as on the national like a regional level in Poland.

Conclusions

Probably at the beginning of the idea of the unification of Europe the goal was to create the European Union in the way like United States of America are. But past years showed that not only the differences between European countries did not disappear but also that the regional competitiveness became more and more important. For developed them European

Union created a number of European programs. The scope of them is to really contributed to regional development on many levels. One of them is human capital, the based for the functioning of modern societies. In this article it has been shown the short list of the most important programmes developed in Poland for the regional competitiveness raise. There were no space to discuss well and evaluate all of them. But the short signalisation on the Polish example could be useful for the future studies how to ameliorate and help to develop the competencies of individual societies on the regional and national level.

Bibliography

- Amin A. (1994) *Post-Fordism*: Blackwell, Oxford.
- Becker G. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*: Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bontis N. (2004) *National Intellectual Capital Index: a United Nations initiative for the Arab region*, *Journal of Intellectual Capital*: vol. 5, No 1, pp. 13–39.
- Clavel P. (1998) *An Introduction to Regional Geography*: Blackwell, Oxford.
- Cross-border Cooperation Programme Poland – Belarus – Ukraine 2007 2013: <http://www.pl-by-ua.eu/en,3> (Access 14.11.2014)
- Dijkstra L., Annoni P, Kozovska K. (2011) *A New Regional Competitiveness Index: Theory, Methods and Findings: European Union Regional Policy*, n 2.
- Edvinsson L. (2002) *The knowledge capital of nations: Knowledge Management*, April.
- Erasmus + Programme: <http://erasmusplus.org.pl/o-programie/> (Access 13.11.2014)
- Fisher I (1897) *Senses of ‘Capital’*: *The Economic Journal* 7: 199–213.
- Giddens A. (1998) *The Third Way*: Polity Press, Cambridge.
- Grundtvig Programme: <http://www.grundtvig.org.pl> (Access 14.11.2014)
- Harvie C. (1994) *The Rise of Regional Europe*: Routledge London.
- Hospers G.J. (2003) *Beyond the Blue Banana?*, *Structural Change in Europe’s Geo-Economy: Intereconomics*, March/April, p. 76–85.
- Innovative Economy Program: <http://www.poig.gov.pl/Strony/default.aspx> (Access 15.11.2014)
- Kapitał intelektualny Lubelszczyzny: <http://kil.lubelskie.pl> (Access 13.11.2014)
- Laroche M., M rette M., Ruggeri G.C. (1999) *On the Concept and Dimensions of Human Capital in a Knowledge-Based Economy Context*.
- Leonardo da Vinci Programme: <http://www.leonardo.org.pl> (Access 14.11.2014)
- Mincer J. (1958) *Investment in Human Capital and Personal Income Distribution*: *Journal of Political Economy* 66: 281–302.
- Oxford English Dictionary: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (access 10.11.2014).
- ROP LV: <http://www.rpo.lubelskie.pl> (Access 15.11.2014).

- Sharpe L.J. (1993) *The Rise of Meso Government in Europe*: Sage, London.
- Shiima G., Lerrol A., Carduci D. (2008), The knoware tree and the regional intellectual capital index. An assessment of Italy: *Journal of Intellectual Capital*, vol. 9 No 2.
- Tallman S., Jenkins M., Henry N., Pinch S. (2004) Knowledge, clusters, and competitive advantage: *Academy of Management Review*, Vol. 2.
- The knowledge-based economy, organisation for economic co-operation and development (1996) Paris.
- The Rural Development Programme for 2007–2013, <http://www.arimr.gov.pl/pomoc-unijna/prow-2007-2013.html> (Access 15.11.2014).
- WISE project: http://www.erasmusplus.it/wp-content/uploads/2014/09/KA2_HE_esiti.pdf (Access 13.11.2014).

Европейские программы человеческого капитала и их роль в развитии региональной конкурентоспособности (на примере Польши)

Резюме

Объединение Европы через Европейский Союз действительно изменил баланс политических сил, а также географический, социальный и экономический контекст на континенте. Это способствовало объединению, но в то же время показало национальные различия отдельных стран. В то же время возник целый ряд Европейских программ, которые действительно способствовали региональному развитию на многих уровнях. Одна из этих программ — человеческий капитал, одна из важнейших программ для функционирования современных обществ. Как Европейские программы влияют на развитие отдельных обществ? Каковы их преимущества и недостатки? Действительно ли они выполнять свою роль? Среди прочего, эти вопросы также рассмотрены в этой статье. Анализ осуществлен на примере Польши.

Ключевые слова: Европейские программы, человеческий капитал, интеллектуальный капитал, региональная конкурентоспособность, регионы, Европейский союз.

БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена сравнительному анализу социальных неравенств в различных обществах. Рассмотрены отдельные работы российских и западноевропейских ученых, в которых выявлены основные факторы, которые определяют неравенства в обществе и средства по их снижению. Уделено внимание основным тенденциям развития неравенств в современном обществе, где достойной альтернативой либеральной рыночной экономики выступает возрождение трудового социалистического общества на нравственно-духовной опоре всеобъемлющей социальной справедливости.

Ключевые слова: неравенство, бедность, богатство, рынок, справедливость.

Актуальной научной проблемой, требующей системного рассмотрения и решения, является противоречие между растущей материальной мощью современного человечества и углубляющимся неравенством в обладании этой мощи между странами и социальными группами внутри стран, в соответствии со своими усилиями по её формированию и росту. Несмотря на многочисленные социально-экономические, политико-правовые попытки различных стран разрешить это противоречие в пользу более справедливого распределения создаваемых благ, они удаются лишь локально и временно.

В работе представлен анализ причин и сравнение характеристик бедности и богатства в современном обществе, определяются средства и возможности повышения благосостояния и справедливого распределения благ между всеми социальными группами общества.

Своей основной целью исследование ставит выявление основных характеристик состояния и динамики бедности и богатства в современном обществе. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: изучить основные подходы к исследованию бедности и богатства, их типы и виды; рассмотреть монетарные и немонетарные оценки бедности и богатства; дать сравнительный анализ особенностей и тенденций бедности и богатства в разных странах; определить тактические и стратегические средства снижения неравенства в современном обществе.

В исследовании основные понятия определяются следующим образом.

Бедность (нужда) — характеристика экономического положения отдельного человека, семьи, социальной группы, общества, при котором они не могут удовлетворить определённый круг минимальных материальных и социокультурных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Бедность вызывает угрозу устойчивому функционированию общества, не позволяя ему реализовать свои потенциальные возможности развития.

Богатство (изобилие) — характеристика экономического положения отдельного человека, семьи, социальной группы, общества, при котором они могут удовлетворить необходимые и разнообразные материальные и социокультурные потребности, не снижая своего экономического положения (за счёт доходов от деятельности, различных финансовых и нефинансовых активов, ценностей, собственности). Социально значимое неравенство богатства (концентрация его у минимальной доли населения) также подрывает устойчивость функционирования общества, вызывая в нём ожесточение и лишая его системного развития.

В историко-материалистической теории даётся другое, гуманистическое определение этого понятия: «Богатство — многогранность, развитость общественных потребностей и социальных связей. Действительное богатство общества — в реализации всех способностей общественного человека и производство его как всесторонне развитого и социально активного члена общества» (Маркс, Энгельс 1972).

Классики социологии считали, что в социалистическом обществе на место экономического богатства и экономической нищеты становятся *богатый человек* и *богатая человеческая* потребность. *Богатый человек* — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*. Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере *человеческое* и потому общественное значение (Там же).

Обзор подходов к исследованию бедности и богатства в современном обществе. В последние годы интерес к пониманию процессов бедности и богатства значительно возрос, и учёные вновь обратились к основным теориям данных процессов. Так, структурно-функцио-

налистская теория социального неравенства считает, что оно полезно и необходимо для общества в целях повышения активности, мотивации и конкуренции индивидов при производстве, распределении и потреблении благ (Дэвис, Мур 1992). Историко-материалистическая теория социального неравенства считает, что оно определяется социально обусловленными возможностями людей получить равный доступ к благам общества, который им перекрывают господствующие классы общества, обладающие крупным капиталом и властью над другими классами и действующие не в интересах большинства, а в своих частнокорпоративных интересах получения прибыли (Маркс, Энгельс 1967).

В рамках функционалистской теории в настоящее время есть несколько подходов. Например, *социал-дарвинисты* оправдывают существование неравенства и страданий в обществе естественно-природными различиями между людьми, социальными группами, странами (мотивами поведения, географией, климатом и т.д. (Хантингтон 2002)). *Глобалисты* считают, что современное неравенство в богатстве лучше, чем равенство в бедности, присущее традиционным, нерыночным обществам («земледельческим культурам мира»). Для них бедные — люди, социальные группы, страны — это те, кто сопротивляется глобализации и отстаивает свои традиционные культурные ценности, а богатые — те, кто принимает и реализует комплекс установок и ценностей, единых для глобальной мировой экономики (Хантингтон 2002). *Либералы-рыночники* считают, что в основе современной бедности и богатства лежат экономические установки деятельности человека, бизнеса, страны. Так, процветание и богатство страны связано с более высокой продуктивностью в деле привлечения ресурсов в страну, с созданием пользующихся спросом товаров и услуг, с созданием кластеров и связанных с ними инновациями, нововведениями, высокими технологиями, инвестициями (Хантингтон 2002). Эти и другие интерпретации существования бедности и богатства основаны либо на редукции социальных факторов к биологическим, либо на апологии жизнеотчуждающей формы материальной деятельности современного общества капитала, основанной на прибавочном (неоплаченном) труде наемных работников. Современные процессы глобализации, повторяя основную черту существующих экономических отношений, основанных на капитале — иерархическое неравенство стран, ведут к устойчивому делению стран мира на бедные и богатые. Так, разрыв в доходах 20% населения Земли, проживающего в самых богатых стра-

нах и 20% населения беднейших стран составлял в 1964 году 30:1. В настоящее время он увеличился до 74:1 (1997 год) и продолжает устойчиво расти (Юрлов 2001).

Мы разделяем мнение исследователей, которые указывают на разочарование населения многих стран с рыночной экономикой проводимой там либеральной социально-экономической политикой, которая подрывает основы «общества благосостояния» и ведёт чрезмерному росту имущественного неравенства (Кругман 2009). Анализ П. Кругманом роста неравенства в США за последние 80 лет показал, что значительное экономическое неравенство имманентно присуще рынку, а рост и сжатие этого неравенства имеет политические корни (повышение или снижение ставки налога на прибыль корпораций, повышение или снижение ставки налога на наследство недвижимости, повышение или снижение ставки налога на прирост капитала, рост или снижение силы профсоюзного движения и другое). П. Кругман как неокейнсианец, делает вывод, что в современных США надо активно применять нерыночные методы снижения неравенства на основе совершенствования государственного регулирования рынка (Кругман 2009)

Другие американские экономисты считают, что современный капитализм всё больше приобретает черты иррациональной системы. Её логика состоит в том, чтобы люди постоянно ощущали неудовлетворённость, всегда желали большего и не принимают во внимание, что потребуются ресурсы четырех планет, подобно нашей, чтобы 6,5 миллиардов человек могли жить с нормами потребительского статуса американского «среднего класса» (Мэгдорф 2013). При этом последние приобретают «статусное» движимое и недвижимое имущество, которые не могут себе позволить без заёмных средств, залезая в рискованные ипотечные и иные долги. Однако другие исследователи, считают, что дифференциация между бедными и богатыми в современном рыночном обществе перекрывается растущим социальным равенством, поэтому причин для беспокойства нет (Kristol 1997).

По общепринятой в науке классификации, черта бедности в обществе определяется на основе трёх подходов (Динамика... 2014). Во-первых, *абсолютный* уровень бедности (стоимостная оценка минимальной потребительской корзины, т.е. прожиточного минимума). В этих условиях домохозяйства постоянно голодают и борются за выживание). Во-вторых, *относительный* уровень бедности (стоимостная

оценка на уровне 60% от величины медианного дохода или недостаточность ресурсов — «список лишений» — необходимых для достижения сложившихся в данном обществе стандартов потребления). Абсолютную и относительную бедность постоянно сопровождают надежды, неопределённость и страх. В-третьих, *субъективный* уровень бедности (ощущение недостатка ресурсов и денежных средств для обеспечения уровня жизни, который воспринимается как «нормальный»). В этих условиях домохозяйства борются за возможность участия в социально-экономической жизни общества). «Субъективная бедность» важна для планирования социальных программ помощи населению государством.

Такой сложившейся и общепринятой классификации уровней экономического богатства, к сожалению нет. Однако можно, на наш взгляд, использовать изложенные выше подходы в качестве рабочей гипотезы и для определения уровня богатства. Тогда классифицируем *абсолютный* уровень богатства как стоимостную оценку доходов, финансовых и нефинансовых активов, различных ценностей, представителей 0,1–5,0 процентов верхней социальной группы — высшего класса (элиты, псевдоэлиты). Децильный коэффициент (отношение доходов верхних и нижних 10 процентов домохозяйств), принятый в странах Запада, для России не подходит из-за другой структуры общества, поэтому верхняя социальная группа в России составляет максимум 3-5 процентов (Гранина 2014).

Относительный уровень богатства определим как стоимостную оценку доходов домохозяйства размером от семи и более официальных прожиточных минимумов до доходов 5–10 процентов верхней социальной группы — высшего класса общества.

Субъективный уровень богатства определим как ощущение недостатка ресурсов и денежных средств для обеспечения уровня жизни, который воспринимается человеком или социальной группой как «нормальный». Такая самооценка характерна для устойчивого ядра «среднего класса» в России и странах Запада.

Бедность и богатство имеют в каждом обществе свой определённый характер и своеобразие проявления. Это обуславливается различными причинами: неравномерностью и разным уровнем развития; особым менталитетом; различием социально-экономических систем; спецификой уровня занятости, структуры занятости и другое. Современная наука классифицирует различные типы структурной бедности и богатства.

Российские учёные выделяют такие основные типы бедности:

- *доиндустриальная* бедность (избыточные люди в городе и деревне из-за низкой эффективности производства);
- *индустриальная* (предложения низко-средне квалифицированного труда значительно превышают спрос на него);
- *постиндустриальная* (рост конкуренции за рабочие места, где проигрывают социально-уязвимые группы; структурная перестройка экономики, её деиндустриализация, например, через вынос производства в Азию; массовый уход с рынка труда квалифицированной рабочей силы, не желающей снижать статус);
- *индивидуальная* (семейная или личная ситуация человека, связанная с несчастием, болезнью, инвалидностью и т.п.) (Аникин, Тихонова 2014).

В современной науке выдвигают различные средства борьбы с бедностью: — инвестиционная политика (изменение структуры рабочих мест через сокращение неквалифицированного труда);

- политика занятости (борьба профсоюзов за почасовую оплату рабочей силы не ниже 1,5 прожиточного минимума в регионе);
- миграционная политика (борьба с нелегальной миграцией, учёт локальных рынков труда);
- налоговая политика (льготы бедным, прогрессивная шкала налогов);
- социальная политика (сокращение неравенства, особенно для социально-уязвимых групп, доступная медицина для всех);
- образовательная политика (повышение доступности и качества профессионального образования разного уровня для города и села) (Аникин, Тихонова 2014).

Как и в приведённом выше случае с классификацией уровней богатства, в литературе к сожалению нет и общепринятой классификации типов экономического богатства. Поэтому используем рассмотренную типологию бедности в качестве рабочей гипотезы и для определения типологии богатства:

- *доиндустриальное* богатство (отличительное положение в обществе человека или социальной группы, которое характеризуется наличием разных видов богатства: *материального* — движимое и недвижимое имущество, предметы, средства труда и производства; *социального* — обилие связей, способность влияния и власти; *индивидуального* — опыт, навыки, знания);

- *индустриальное* (финансовые и нефинансовые активы, быстрое первоначальное накопление разных видов богатства легитимными и нелегитимными способами).
- *постиндустриальное* (концентрация финансовых и нефинансовых активов в руках малой группы домохозяйств вследствие постоянного роста капиталоемкости среднего, крупного бизнеса и конкуренции в условиях глобальной экономики; происходит процесс оформления глобальной электронно-финансовой капитало-кратии) (Субетто 2009).

К средствам борьбы с неравенством богатства относят:

- высокие налоги на богатство и наследство;
- социально значимое снижение коррупции в обществе и другое (Кругман 2009).

Однако, по нашему мнению, всё это – борьба со следствиями, а не с причиной.

Между основными классами (наёмные рабочие и средняя, крупная буржуазия), которые персонифицируются как «бедные» и «богатые», в современном обществе располагается динамичная совокупность социальных групп – «средний класс» (СК). Устойчивость развития общества и его экономический рост, сопровождаются ростом величины и благополучия СК, и наоборот. К СК относят представителей малого бизнеса, торговли, лиц свободных профессий, чиновников, служащих, инженеров, других представителей нефизического труда, с образованием не ниже среднего профессионального и со средне-месячным доходом не ниже его медианного значения в данном регионе. В России к СК относят от 2–3 до 21–24 процентов экономически активного населения, в зависимости от разных методик оценки. На Западе к СК относят 55–60 % активно занятого населения. И там, и здесь для них наступили трудные времена: идёт снижение численности СК и переход его представителей, в основном, в социальную группу бедных. Например, современная российская либеральная рыночная экономика ценит образование и квалификацию невысоко, особенно в мегаполисах, в результате идёт устойчивое отставание большинства специалистов (кроме чиновников различных ведомств) от средних доходов по стране, то есть идёт «пролетаризация профессионалов». Существующая модель социально-экономического развития в России не даёт объективных возможностей для увеличения доли СК как материально благополучного населения, носителя но-

вых социально-экономических и социокультурных поведенческих особенностей. Отдельные учёные предлагают незамедлительно осуществить комплекс мер: провести индустриализацию на базе 5-го и 6-го технологических укладов, приоритетно развивать высокотехнологичные отрасли экономики, восстановить самостоятельность финансовой системы государства, ввести налог на вывоз капитала и другое (Гладунов 2014). Однако публичная власть и часть крупного капитала считают либеральную модель экономики России стратегически верной и продолжают её.

Методы исследования. Для достижения цели исследования были использованы как данные кабинетных исследований (анализ массива российской и зарубежной литературы по теме работы), так и данные полевых опросов респондентов общероссийского социологического исследования Института социологии РАН. Оно было проведено в 2003 и в 2013 годах по квотной выборке, репрезентирующей население страны по региону проживания, типу поселения, полу и возрасту, и по всем социально-профессиональным признакам респондентов, согласно данным Росстата, исходя из официального критерия «черты бедности», установленного правительством России. (Бедность и бедные...2014).

Разная институциональная среда предполагает разные методики анализа и выделения бедности и богатства в разных обществах. Индикаторы выделения абсолютной и относительной бедности: коэффициент Джини, коэффициент фондов, доход меньше государственного прожиточного минимума, доход меньше 60% среднего дохода на одного жителя, концентрация у социальной группы менее 20% совокупных доходов общества и другие. Индикаторы выделения относительного и абсолютного богатства: доход на одного жителя 7-ми и более прожиточных минимумов, концентрация у социальной группы более 40% совокупных доходов общества, доля финансовых и нефинансовых активов 1%–5%–10%–20% самых обеспеченных групп населения общества, включая коэффициент фондов и другие. Кроме того, используются экспертные оценки, когда нет детальных исследований по кластерам бедных (бездомные) и богатых (элита).

Приняты во внимание методики расчёта показателей бедности (индекс бедности, глубина бедности), которые строятся по формулам Фостера, Грира, Торбене (Foster, Greer, Thorbecke 1984). Также принята во внимание методика расчёта распределения богатства (на-

копления в форме денег и других финансовых активов), которая строится по формуле Исаева (Исаев 1998).

Основные результаты исследования. Полученные результаты исследования по бедности и богатству вполне согласуются с другими авторитетными исследованиями роли и влияния бедности и богатства в современном обществе на его состояние и динамику. Так, в науке есть общее понимание того, что бедность и богатство — характеристики социально-экономического развития общества. Они порождаются действием механизма социальной дифференциации в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ (Волчкова, Минина 1999).

Бедность и богатство в современном обществе — порождение социальной несправедливости определённого типа социально-экономической системы: общества капитала. Например, бедность и богатство в современной России сформировались в экономику неравенства и стали неотъемлемой частью проводимой социально-экономической политики публичной власти с 1991 года, когда в результате разрушения Советского Союза эта власть оказалась в руках крупного капитала и крупного чиновничества на основе конвертации власти в капитал и наоборот. Принятые по их воле законы (о первенстве международного права над государственным, о не подотчетности Банка России исполнительной власти, о введении подоходного налога с плоской 13-процентной ставкой, о принятии Трудового кодекса, лишившего наёмных работников права на легальные формы протеста, о проведении ваучерной приватизации государственных активов, о проведении залоговых аукционов по номинальной распродаже национального богатства страны, её основных и стратегических активов, и другое) привели к невиданному ранее в истории страны поляризации бедности и богатства населения (Гуриев, Цывинский 2012).

В современной России преобладает индустриальный тип бедности и богатства, а в странах ЕС — постиндустриальный. При этом растущая проблема молодёжной (18–25 лет) безработицы в странах ЕС (в среднем более 25 %), является характерной особенностью бедности постиндустриального типа. Доиндустриальный тип бедности преобладает в Индии и заметно представлен в Китае. Индивидуальный тип бедности представлен во всех современных обществах (Аникин, Тихонова 2014). Кроме того, «пролетаризация профессионалов» в России и странах ЕС ведёт к обострению относительного риска бед-

ности для работающих. В странах ЕС к таким относят 9 – 15 % работающих, в России – 16 % (Standing 2011; Аникин, Тихонова 2014).

К основным факторам роста неравенства (различий между экономической бедностью и богатством) на макро- и микроуровнях относят:

- в России – регион проживания домохозяйств и неравенство в оплате труда;
- в странах Балтии – интенсивность занятости домохозяйств (слабоиндексируемые зарплаты и повышение нормы эксплуатации);
- в западных, центральных и южных странах ЕС – уровень образования и интенсивность занятости (Динамика... 2014)

В настоящее время в России средний достаток человека (относительное богатство), начинается, по его доходам, от семи и более официальных прожиточных минимумов, устанавливаемых правительством (Бобков 2012). В 2012 году прожиточный минимум был установлен в размере немного более 6,5 тысяч рублей/месяц. Тогда средний достаток на одного человека составляет в России около 46 тысяч рублей и к ним относятся лишь 7–8 % населения.

Охарактеризовать верхнюю (3–5%) социальную группу российских домохозяйств можно следующим образом. К ним относятся жители крупных мегаполисов и областных центров: госслужащие разных уровней (от рядовых сотрудников до руководителей различных госструктур и ведомств), предприниматели среднего и крупного бизнеса, наёмные сотрудники крупных частных компаний (Гранина 2014). Например, средний уровень годового дохода представителей политической и судебной элиты страны колеблется в пределах 4–59 млн. руб. Зарплаты чиновников в 2011 г. в 5–10 раз и выше превышали зарплаты простых работников (23,7 тыс. руб. в месяц) тех же учреждений и ведомств. (Калабеков 2014). В 2012 году в России было 96 долларовых миллиардеров (владели 30% всех личных активов населения), а в 2014 их стало 111, что на фоне внешних экономических санкций и дальнейшего спада экономики выглядит нелогично. В среднем по миру миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. В России этот показатель в 15 раз выше среднемирового. По данным Global Wealth Report, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных финансовых и нефинансовых активов в России. По странам мира, в целом, этот показатель равен 46%. Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5% населения (это 82,5% всего лич-

ного богатства страны), и самых состоятельных 10% населения (87,6%) (Гуриев, Цывинский 2012). Поэтому власть в России объективно ориентирована на интересы богатых (в вопросах сохранения и роста их благополучия), а не на интересы народа и государства.

Можно утверждать в целом, что «тильдообразное», то есть неравномерное распределение экономического богатства характерно для любого современного общества, где получили всестороннее развитие меновые отношения, превращающие в товар деньги, землю и рабочую силу. Например, в России, нижние 20% населения имеют около 6% совокупных накоплений, а верхние 20% – 55% (Исаев 1998). По 211 странам мира ситуация контрастнее: нижние 20% стран имеют 0,025% совокупного богатства (ВВП/1 чел.), следующие 70% стран имеют около 15% совокупного богатства, а верхние 10% – 85% всех богатств (Исаев 1998: 12).

Выводы. В настоящее время в российском обществе ограничения для развития формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства, что ведёт к росту социальной отчуждённости и социальной напряжённости в обществе.

Быстрый рост богатства узкой группы высшего класса не сопровождается инвестициями в национальную экономику, следовательно, не создаются новые рабочие места, и нет перспектив роста доходов для экономически активного населения вне сырьевого вектора и сектора услуг. Поэтому около половины населения России (2012 г.) не удовлетворены своим материальным положением.

Присутствие разных типов бедности из разных эпох и в различных пропорциях по всем регионам страны, составляют основную специфику современной российской бедности, затрудняя борьбу с ней.

Для стран, находящихся на разных этапах исторического развития, используются разные варианты концептуализации феноменов бедности и богатства, разные варианты методик выделения бедных и богатых в современном обществе.

Стратегическая тенденция социального развития в современном мире должна состоять в том, чтобы на место экономического богатства и экономической бедности поставить богатого человека (всесторонне развитого и социально активного члена общества) с богатыми человеческими духовными потребностями. Это возможно лишь за пределами общества капитала, потребительского общества: в трудовом обществе, то есть в социалистическом обществе на нравственно-

духовной опоре всеобъемлющей социальной справедливости традиционного общества.

Стратегическим интересам людей труда может отвечать лишь такая экономика и такая социальная система, которые ставят своей целью не получение прибыли, а создание условий для реализации интересов каждого человека и общества в целом, то есть через равный и справедливый доступ к жизненным благам, К последним можно отнести всеобщую занятость и хорошие условия труда, качественное питание и достойное жильё, всеобщее здравоохранение, качественные образование и культура, современные институциональные формы реализации разнообразных творческих способностей каждого человека.

Библиография

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014) Бедность в России на фоне других стран. // Мир России, Т. 23. № 4. С. 59–95.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (2004) Богатство и бедность в представлениях россиян.// Социологические исследования. № 3. С. 15–42.
- Гладунов О. (2014) Предлагаемые С. Глазьевым меры. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1439574/> (дата обращения 03.10.2014.).
- Бедность и бедные в современной России (2014) / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир, 304 с.
- Бобков В. (2014) Пенсии выросли, а «голод» остался. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/article/59726> (дата обращения 03.02.2014.).
- Величина прожиточного минимума в Российской Федерации (2014) Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/ (дата обращения 12.10.2014).
- Волчкова Л.Т., Минина В.Н. (1999) Стратегии социологического исследования бедности. // Социологические исследования. № 1. С. 49–56.
- Воронов В.В., Лавриненко О.Я. (2014) Оценка динамики межрегиональных различий (Европейский опыт). // Социологические исследования, № 1. С. 29–39.
- Воронов В.В., Лавриненко О.Я. (2011) Доходы населения Латвии: уровень, дифференциация, динамика. // Социологические исследования. № 9. С. 34–39.
- Воронов В.В. (2008) Понимание богатства и бедности Иоанном Златоустом против понимания процветания и отсталости апологетами рынка. // Новая экономика, № 1–2. С. 86–91.

- Гранина Н. (2014) На дне. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1438560> (дата обращения 01.10.2014.).
- Гуриев С., Цывинский О. (2014) Ratio eonomica: Первая среди неравных. // «Ведомости», 06.11.2012. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_32696.htm (дата обращения 12.09.2014.).
- Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад (2014) Москва: Фонд «Либеральная миссия», 108 с.
- Дэвис К., Мур У. (1992) Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / отв. ред. С. А. Белановский. М., Вып. 1. С. 160–177.
- Калабеков И.Г. (2014) Российские реформы в цифрах и фактах. (Издание второе, переработанное и дополненное). Москва: РУСАКИ, 498 с.
- Кругман П. (2009) Кредо либерала./Пер. с англ. Москва: Изд-во «Европа», 368 с.
- Маркс К.,Энгельс Ф. (1967) Соч. 2-е изд. Т. 23. Москва: Политиздат, 420 с.
- Маркс К.,Энгельс Ф. (1972) Соч. 2-е изд. Т. 46,ч1. Москва: Политиздат, С. 386.
- Мэгдорф Ф. (2013)Идеология: пространство борьбы. В кн.: Левое измерение. По страницам интернет-журнала «Социалист». Москва: Ключ-С, С. 32–45.
- Субетто А.И. (2009) Капиталократия и глобальный империализм. Санкт-Петербург: Петрополис, 417 с.
- Юрлов Ф.Н. (2001) Социальные издержки глобализации, Социологические исследования, № 7, с. 18.
- Bowles S., Smith E. (2010) Borgerhoff M. The emergence and the persistence of inequality in premodern societies.//Current Antropology, Vol. 51(1), p. 7–17.
- Kristol I. (1997) Income Inequality Without Class Conflict.//Wall Street Journal, December 18. P. A22.
- Standing G. The precariat: The new dangerous class. A&C Black, 2011.

Poverty and Wealth in Contemporary Society: A Comparative Analysis

Summary

The article is devoted to the comparative analysis of social inequalities in different societies. Work of Russian and Western scientists have been studied, where key factors are highlighted, that determine the inequalities in society and ways to reduce them. Attention is paid to the main trends in the development of inequalities in modern society, where a viable alternative to the irrational market society advocates the revival of the labor socialist society on the moral and spiritual support comprehensive social justice.

Key words: inequality, poverty, wealth, markets, justice.

НАРКОТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И ЛАТВИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Цель данного исследования – рассмотреть наркотизацию как одну из форм девиантного поведения в современном обществе России и Латвии. Для этого анализа были применены теория аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертона, теория девиантного поведения А.И. Кравченко. Проблема состоит в том, что в обеих странах после кризиса 90-х произошли институциональные трансформации, которые нарушили стабильность устоявшихся норм и ценностей. Автор отмечает взаимосвязь изменений социальных институтов и рост наркотизации в России и Латвии. Теоретическая часть статьи дополняется статистическими данными по России и Латвии и социологическим исследованием по региону Тюменской области, проведенным в 2013 году. Результаты показали, что четверть респондентов сталкивалась с проблемой наркомании. Молодежь более информирована по всем изучаемым аспектам проблемы, нежели старшее поколение.

Ключевые слова: наркотизация, наркотизм, девиантное поведение, аномия.

Проблема употребления наркотиков в России и Латвии не перестает быть злободневной. Актуальность проблемы исходит из угрозы динамичного, инновативного и глобального рынка наркотиков. Минимизация потерь от наркомании, снижение уровня наркотизма в обществе является национальной стратегией любой страны.

Проблема вызывает интерес к поиску причин современной наркотизации, которые достаточно разнообразны. С позиции социологии актуален обзор проблемы через теорию аномии и девиантного поведения для нахождения латентных причин воспроизводства наркотизации в современном обществе.

Цель работы – проанализировать наркотизацию населения в России и Латвии как проявление девиантного поведения.

Для начала необходимо уточнить понятия «наркотизация», «наркотизм» и чем они отличаются от понятия «наркомания». Наркомания – болезнь, характеризующаяся непреодолимым влечением к наркотикам, приводящая к тяжёлым нарушениям функций организма. Наркотизация, с позиции социологии, – это процесс распространения наркотических веществ в обществе, необязательно влекущим за

собой впоследствии зависимость индивида от них. Сюда относится как и первая проба, так и рекреационное потребление (нерегулярное, эпизодическое). Наркотизм — относительно распространенное, социальное явление, выражающееся в потреблении частью населения наркотических средств и соответствующих последствиях, который включает в себя такие показатели, как масштабы употребления наркотиков, социально-демографический состав потребителей, действующие наркотические субкультуры, формы социального контроля и т.д.; также сюда относится незаконный оборот наркотиков и наркобизнес.

В качестве методологии использованы теории аномии Эмиля Дюркгейма, Роберта Мертона, теория девиантности российского социолога Альберта Ивановича Кравченко.

Понятие «аномия» (беззаконие, безнормность) вошло в научный оборот в 1893 году благодаря французскому социологу Эмилю Дюркгейму. Это следствие переходного этапа в развитии общества, когда старые нормы уже не действуют для регуляции социальных отношений, а новые еще не укрепились. Он обозначил, что аномия — состояние дезорганизации, которое может наступить не только в эпоху кризиса (во время войн, революций, социально-экономических потрясений), но и в эпоху экономического и общего подъема. «Поскольку изменяются взаимоотношения различных частей общества, постольку и выражающие эти отношения идеи не могут остаться непоколебленными» (Durkheim 1994). Аномия способствует усилению различных форм девиаций, хотя сами по себе они являются нормальной особенностью социальной жизни.

Нужно заметить, что сама реальность обозначает коррективы понимания аномии. Как отметил английский социолог Энтони Гидденс, «что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок будет расценено как «отклоняющееся» при другом» (Гидденс 1999). Это касается и отношения общества к наркотикам: история свидетельствует, что их употребление — устойчивое социальное явление. Еще в древних цивилизациях наркотики употребляли в ритуальных и терапевтических целях (листья коки, корень мандрагоры и многое другое употребляли в целях таинственных обрядов, снятия боли, восстановления сил и т.д.). С развитием общества они приносили пользу в медицине, но с XIX века определился новый вектор в отношении к наркотикам: во

многих странах на них стали накладывать запрет ввиду обозначения как социально-опасных продуктов.

С точки зрения социологии, поведение человека не является плохим или хорошим само по себе. Плохое поведение или хорошее — это результат власти, которая установила в обществе культурные нормы и ценности. В обществе России и Латвии употреблять наркотики на сегодняшний день является негативным явлением, что определяет для обеих стран считать это девиантным поведением.

Дюркгейм и Мертон прослеживали корни девиантного поведения в социальной структуре, в ее институциональных нарушениях. Оно выступает следствием, а деформация общества — причиной.

Опираясь на теорию Дюркгейма, наркотизм можно представить в виде социального факта — продукта ожиданий, который возникает в результате взаимодействия индивида с социумом, и зависит от процессов в обществе. Он принимает острые формы в моменты социально-экономических потрясений. Например, Первая и Вторая мировые войны резко увеличили наркопотребление.

Если взять статистику после распада Советского Союза, то заметен резкий скачок девиаций. Согласно статистическим данным, в России численность пациентов, которым поставлен диагноз наркомания и токсикомания, в 1990 году составила 39,7 тыс. человек, в 2000 — 281,2 тыс. человек. В Латвии с 627 человека в 1990 году выросла заболеваемость к 2000 году до 2217 человек.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков в России увеличилась в 16 раз, в Латвии — в 9 (см. рис. 1, 2).

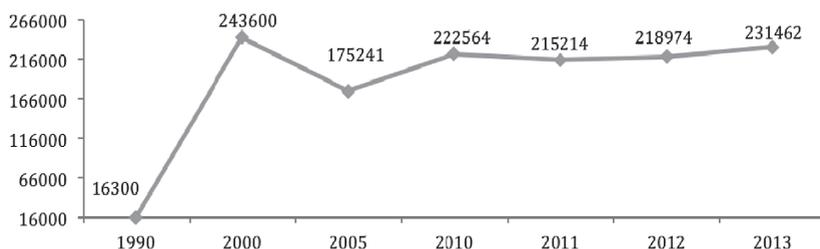

Рис. 1. Динамика преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в России

Источник: график автора с использованием данных Федеральной службы государственной статистики 2013.

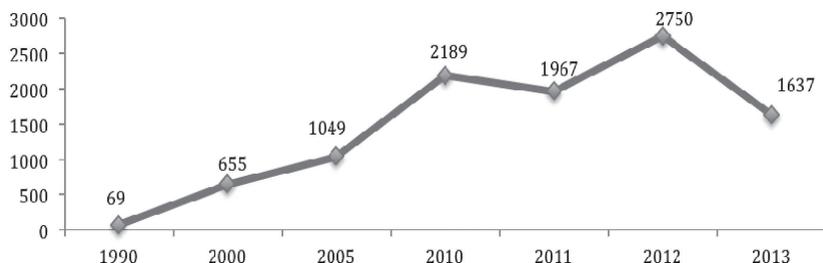

Рис. 2. Динамика преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Латвии

Источник: график автора с использованием данных Central Statistical Bureau of Latvia 2013.

Роберт Мертон изучал американское общество XX века. Он считал, что девиации — «нормальная» реакция на ситуацию, когда культурный акцент на денежный успех усвоен, а доступ к общепризнанным и законным средствам достижения этого успеха — почти полностью перекрыт (Мертон 2006). Ученый выделил несколько видов девиаций: инновация, ритуализм, мятеж, ретретизм, где последний выражается в уходе от реальности, отказе от одобренных целей и от способов достижения, куда отнес употребление наркотиков.

В это время в США наступил социально-значимый момент: поворот молодежи от либерализма к радикализму, когда новые левые, выступая против западного образа жизни, сыграли большую роль в оправдании наркомании. Они опирались на идею фрейдомарксистов, согласно которой наркотики — вполне естественный способ отключения индивидом своего «буржуазного я». (Давыдов 2000) Образовалась контркультура, преимущественно из университетской молодежи, которая вместо того, чтобы идти по пути культурного, нравственного развития, встала на путь употребления алкоголя, наркотиков, пропаганды свободных сексуальных отношений и т.д. Происходило это потому, что обеспеченная молодежь была выращена в изобилии и вседозволенности, ей не нужно бороться за удовольствия и адаптироваться ко взрослой жизни, потому что им все поспешно уже предоставили.

Вслед за США, в СССР в 1980-е годы начинает распространяться прозападный образ жизни, формируются молодежные субкультуры («неформалы»), характеризующиеся своими групповыми нормами и ценностями. Социальный статус начинает быть связанным с видом

употребляемого наркотика. Спорт, религиозность, образованность могут с этого момента совмещаться с рекреационным потреблением.

Российский социолог А.И. Кравченко отмечал, что «в современном обществе очередное поколение, вступающее в самостоятельную жизнь, сталкивается с почти неразрешимым выбором: следовать ли установленным нормам безоговорочно, подвергать их сомнению, принимать частично или вовсе отвергать». Неразрешимость выбора обусловлена, во-первых, самим фактом его наличия; во-вторых, несоответствием между тем, чему молодежь учит, и тем, как ведут себя люди в реальности; в-третьих, неуверенностью в стабильности существующих норм; в-четвертых, убежденностью в том, что соблюдение закона можно избежать взяткой, статусными привилегиями и т.п. Двойные стандарты приводят к укоренению вседозволенности, и, в том числе, к росту потребления наркотиков.

Численность наркопотребителей на сегодняшний день в России насчитывает – 372 человека на 100 тысяч населения, в Латвии – 250. Но стоит помнить, что употребление наркотиков – это латентное явление, а значит это число фактически больше, чем зафиксировано статистикой.

На первом месте, по данным Уголовной полиции Риги, стоит употребление амфетамина и его производных, затем новых психоактивных веществ. В России остается острой проблема опийной зависимости.

Как в России, так и в Латвии, большая часть потребления наркотиков приходится на молодежь – эта социально-демографическая группа находится в особо опасном положении.

Для оценки наркологической ситуации в Тюменском регионе были привлечены результаты исследования, проведенного в 2013 г. в рамках проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Ромашкина, Давыденко 2013). Выборочная совокупность составила 1271 человек. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население по половозрастной, образовательной и поселенческой (городское/сельское население) структуре. В целях анализа были выделены две подвыборки – молодежь от 18 до 35 лет, и старшее поколение.

По данным 2013 года, четверть респондентов (23%) так или иначе, сталкивалась с проблемой наркомании: 3% отметили, что проблема затронула их семьи, 12% – друзей/знакомых, 6% – столкнулись каким-то другим образом. Наличие собственного опыта употребления

наркотиков отметили лишь 2% опрошенных молодых людей и 1% от 36 лет.

Учитывая латентный характер изучаемого явления, можно предположить, что не все смогут ответить на прямой вопрос о столкновении с проблемой. Для получения более точной информации в исследовании использовались косвенные вопросы об осведомленности по разным аспектам проблемы.

По всем пунктам молодежь оказалась в 1,5–2 раза более информированной, чем старшее поколение. Хорошо знают разновидности и названия наркотических веществ 27% молодежи, кое-что слышали — 44% (также информированы 15% и 38% соответственно людей старшего возраста). Отметим, что хорошо знают людей, употребляющих наркотики, 19% молодежи (еще 18% что-то слышали) и 14% респондентов в возрасте от 36 лет (15% что-то слышали). Знают места продажи наркотиков 11% молодых людей, 8% — людей, которые их распространяют, в том числе 3% точно имеют сведения, у кого можно их купить. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что наркотизация в регионе распространена и является преимущественно «молодежной».

В качестве выводов отметим, что теории аномии и девиантного поведения позволяют глубже проникнуть в суть воспроизводства девиаций, в том числе, употребления наркотиков, понять, что это объективное и закономерное социальное явление в условиях институциональных нарушений. Поэтому значимо осуществление адекватного реалiam социального контроля. Только разрабатывая целостную систему мер, взаимодействуя со всеми институтами общества, можно понизить уровень девиаций.

Библиография

- Гидденс Э. (1999) Социология / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М. с. 150.
- Гилинский Я.И. (ред.) (2000) Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя. — С. 43–44.
- Давыдов Ю.Н. (2000) История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. — СПб.: РХГИ. С. 129.
- Дюркгейм Э. (1994) Самоубийство. Социологический Этюд. М.
- Мертон Р. (2006) Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ. С. 261.

Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. (2013) Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона / Коллективная монография / Составление и общая редакция Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. — Тюмень, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Тюменская областная Дума, 2013. — 330 с.

Российский статистический ежегодник. (2013) Стат. сб./Росстат. -Р76 М. С. 242.

Centrālā statistikas pārvaldes datu bāzes http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala__ikgad__veseliba (обращение 15.10.2014).

http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/261348-ekspjerti_borba_so_spaysami_v_latvii_pochti_viiigrana (обращение: 10.10.2014).

Narcotization of the Population in Russia and Latvia as a Manifestation of Deviant Behaviour

Summary

The purpose of this research is to consider narcotization as a form of deviant behavior in modern society in Russia and Latvia. For this analysis were applied theories of anomie E. Durkheim, R. Merton, the theory of deviant behavior A. Kravchenko. The problem is that in both countries there were institutional transformations after the crisis of the 90s that affected the stability of established norms and values. The author notes the relationship of changes institutions of society and rise of drug use in Russia and Latvia. The theoretical part of the article is complemented by statistics on Russia and Latvia, and the sociological research conducted in the Tyumen region in 2013. The results showed that a quarter of respondents faced with the problem of drug addiction. Young people are more informed on all aspects of the considered problem, than the older generation.

Key words: narcotization, narcotism, deviant behavior, anomie.

В ПОИСКАХ СРЕДНЕГО КЛАССА

Цель статьи — обобщить опыт изучения изменений в социальной стратификации различных обществ, особое внимание уделив проблематике среднего класса. Отстаивается теоретическая позиция о важности более глубокого понимания именно классово-стратификации, необходимости преодоления абсолютизации финансово-экономического подхода к классовообразуемым критериям. Предлагается с этой целью использовать теорию совокупного капитала, а также кластерный анализ стратификации сквозь призму совокупного капитала семьи (либо личности) и его составляющих. При аргументации обсуждаемых проблем используются эмпирические данные социологов Великобритании, Польши, России, Республики Беларусь, Молдовы, экспертов Всемирного банка, а также авторские данные социологических опросов в Латвии.

Ключевые слова: социальная стратификация, класс, средний класс, совокупный капитал.

На наш взгляд, кризис в Латвии является системным, затрагивающим все подсистемы общества (Меньшиков2012). Конечно, социологи особое внимание должны уделять социальной стратификации общества. Эта тема, которая была бесспорно основной в классической социологии и которую приоритетной не считали и не считают представители других социальных наук. В чем же суть кризиса, охватывающего социальную стратификацию нашего общества? В неспособности действительно реализовывать интегрирующую функцию, позитивно и качественно влиять на все другие подсистемы общества, обеспечивая их развитие на путях реального достижения благородной цели — «человек на первом месте» (Latvijas nacionālais ...2007).

Вот уже почти 25 лет как разрушилась и распалась этакратическая стратификация советского общества, но пока так и не сложилась социальная стратификация, соответствующая принципам и требованиям рыночной экономики, политической демократии, социального и духовного прогресса. На сегодняшний день мы имеем трудно дифференцируемый набор социальных групп, критерии классификации которых многообразны и не устойчивы, а мобильность отдельных индивидов подобна броуновскому движению с тенденцией сохранения имеющегося статуса, что воспринимается самими участниками

«забега» как бег на месте. В современных условиях, когда нет запрета использовать термины «стратификация» и «класс» при анализе существующего у нас общества, странно выглядят статьи и исследовательские материалы наших социологов, где их не встречаешь. Справедливо это и относительно последнего издания «Латвия. Обзор развития народа 2012/2013», подготовленного при участии латвийских социологов и где даже имеется раздел о социальном неравенстве (Latvija. Pārskats...2013).

Главное внимание уделяется бедности: «В Латвии уровень как относительной бедности, так и абсолютной бедности очень высок, еще хуже ситуация только в Болгарии и Румынии. В ЕС уровень бедности определяется, принимая во внимание три индикатора социального включения: уровень риска бедности, численность людей, живущих в глубокой социальной депривации и численность людей в домохозяйствах, в которых нет ни одного работающего на оплачиваемой работе. В Латвии по меньшей мере в одной из трех ранее упомянутых групп бедности находятся 40 % жителей, что очень высокий показатель» (Latvija. Pārskats...2013). Можно согласиться с предложением авторов исследования о необходимости коррекции системы социальной безопасности в сторону снижения воспроизводства ею высокого уровня социального неравенства, однако не затрагивается вопрос о том, как повысить долю тех трудоспособных жителей страны, практически не нуждающихся в помощи от такой системы.

О важности иерархического и, прежде всего, экономического понимания социального неравенства категорично утверждал Т. Парсонс: «Только такая классификация как «верхний» (определяемый весьма осторожно), «средний» и «нижний» классы имеет смысл» (Парсонс 2000). Другими словами, социолог интересуется иерархией, вместе с тем и теми силами, определяющими динамику мобильности, перемещения в рамках сложившейся и достаточно устойчивой системы социального неравенства, где экономический критерий хотя и является главным, далеко не полностью определяет классовый статус личности (семьи). «Классовый статус... — это не простая единица, — предупреждал Т. Парсонс, — а довольно слабо связанный внутри себя комплекс элементов, ядром которого выступает денежный доход.... Комплекс профессионального дохода семьи является... центром какого-то более широкого комплекса» (Парсонс 2000).

Классы — экономическая категория, в разное время, в разных обстоятельствах дополняемая теми или иными неэкономическими

элементами. Обязанность социолога выявить наиболее сильные здесь и сейчас такие элементы, образующие вместе с экономическим элементом специфический комплекс или, как будет точнее, классовый кластер.

Современный теоретический уровень классовой стратификации

Существует множество подходов — от утверждений о преодолении классовых различий до абсолютизации экономического критерия. Наиболее интересным и новаторским нам представляется исследование в Великобритании, проведенное по заказу Би-би-си ([TheGreatBritishclasscalculator. www.bbc.co.uk/news/uk-22007058](http://www.bbc.co.uk/news/uk-22007058)).

Наиболее важные аспекты осуществленного исследования:

1-классы определяются по трем параметрам — экономический (доход, сбережения, недвижимость), социальный (связи и круг общения) и культурный (интересы и способы времяпровождения);

2-прежнее деление общества на три класса — рабочий, средний и высший (по роду занятий, материальному положению и образованию человека), по мнению исследователей, больше не отображает реальную картину. Теперь британское общество разделили на семь классов:

- элита (elite) — самая привилегированная группа в Великобритании, выделяющаяся среди остальных своим благосостоянием; с самыми высокими показателями во всех трех параметрах;
- устойчивый средний класс (establishedmiddleclass) — самая многочисленная группа, на втором месте по богатству и культурному капиталу;
- технический средний класс (technicalmiddleclass) — небольшая, сравнительно новая группа людей с высокими доходами, но низким социальным и культурным капиталом. Она отличается от прочих своей социальной изоляцией и безразличием к культуре;
- обеспеченные наемные работники (newaffluentworkers) — молодая группа социально и культурно активных людей с средним уровнем дохода;
- традиционный рабочий класс (traditionalworkingclass) — с низкими показателями все трех видов капитала, но не являющийся в то же время социально-неблагополучным. Стоимость жилища представителей этого класса достаточно высока, что объясняется их высоким средним возрастом, составляющим около 66 лет;

- развивающийся класс работников сферы услуг (emergentserviceworkers) — новая, молодая группа, преимущественно городских жителей, сравнительно бедных, но социально и культурно активных;
- «прекариат», называемый также нестабильный пролетариат (precarariat, oprecariousoroletariat), — самый бедный и уязвимый класс среди всех перечисленных, с самыми низкими показателями по социальному и культурному капиталу. По оценкам исследователей, он составляет около 15 % населения Великобритании.

3-уменьшение традиционного (устойчивого) среднего класса (до 25%), образование размытой прослойки между традиционными рабочим и средним классами.

На наш взгляд, новое деление общества на 7 классов отражает не способность государства и далее реализовывать политику сохранения и приумножения традиционного среднего класса в условиях мирового экономического кризиса, достаточно длительного периода доступности образования (включая высшее), уменьшение доли традиционной индустрии, широкое использование (особенно молодежи) новых технологий, обеспечивающих мобильность, в том числе и в деле приумножения социального и культурного капитала. Работает и субъективный момент — как отнести к «низшему» классу тех, кто имеет достаточно высокий уровень образования, составляет не малую часть работающих в важных отраслях национальной экономики, социально и культурно активен? Видимо, социологи Великобритании столкнулись с тем обстоятельством, когда пропуск в средний класс все больше зависит не от собственности на средства производства, не от формального уровня образования, а от набора таких ресурсов, где доминантным все сильнее выступает культурный элемент. И еще — вновь нужно согласиться с Т. Парсоном: «Ради осторожности не следует делать выводов о том, ... что границы между смежными классами очень определены» (Парсон 2000).

Конечно, еще более сложная ситуация с классами в тех обществах, где существовала этакратическая стратификация. Например, в статье «Социальные классы современной Польши» («Klasy społeczne współczesnej Polski») приводится состав следующих социальных групп:

- зародыши высшего класса (менее 2 % считая вместе с семьями);
- класс менеджеров — 4–8 %;
- представители свободных профессий и средний класс — 8–16 % общества;

- прекариат — 74–87 % (критерий выделения — либо специфика выполняемой работы, либо величина получаемых социальных трансфертов) (Кракауер 2013). Таким образом, по сравнению с британским обществом в Польше эта часть общества примерно в 5 раз многочисленнее и составляет в процентном выражении такую величину, о которой еще недавно шла речь относительно среднего класса экономически продвинутых стран. Например, Л.А. Беляева утверждает, что средний класс Норвегии приближается к 90 % населения (Беляева 2011). Как мы видим, особый интерес у исследователей вызывает средний класс, который обычно связывают с успехами развития индустриального и постиндустриального общества.

Понятие «средний класс»: перманентная трансформация

Понятие «средний класс» постоянно меняется, начиная с позднего феодализма, когда фактически средним классом была буржуазия (Кагарлицкий 2012). Можно утверждать, что понятие «средний класс» первым использовал драматург Еврипид (480-е — 406 до н.э.) около 420 г. до н.э. в трагедии «Умоляющие», выделив 3 класса: богачей, бедняков и средний класс: «В государстве три класса есть: во-первых, богачи, для города от них нет пользы, им бы лишь для себя побольше. Но опасны и бедняки и чернь, когда свое с угрозою поднимают на имущих отравленное жало, подговорам послушная витий. Лишь средний класс для города опора, он законам покорствуется и власти» (www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid1_6.txt).

Однако, обычно исследователи истории понятия «средний класс» приоритет в его использовании отдают древнегреческому философу Аристотелю (384–322 до н.э.), который это понятие включил в широкий политико-философский дискурс об обществе. В своей «Политике» он обосновал роль общественной группы «средних людей» как гарантов наилучшего государственного строя, называет экономические, социальные и даже нравственные характеристики тех, для кого близки «чувства дружбы в политическом общении» (Аристотель 1983). По мнению В. Куренного, в аристотелевском определении среднего класса сегодня недостает лишь несколько характеристик: «это в особенности его инновативный характер, а также определенный уровень и стиль потребления» (Куренной 2008).

Американский социолог Ллойд Уорнер (Lloyd Warner) (1898–1970), видимо, был первым, кто эмпирически изучал стратификацию американского общества, выделяя в ней средний класс, условно разделив общество в США на шесть социальных групп. Одну из них Уорнер назвал «высшим средним классом» (upper-middle class), другую — «низшим средним классом» (lower-middle class) (Lloyd 1949).

В представлении большинства западных социологов средний класс выступает как основная стабилизирующая сила в общем балансе классов, субъект модернизации и создания нового общества знаний, основной потребитель качественных продуктов современной экономики, основной носитель жизненной стратегии успеха.

Можно ли утверждать аналогичное и применительно к тем социальным группам «средних слоев» в тех странах, которые в прошлом назывались социалистическими, а в настоящее время с разной степенью успеха пытаются достичь высоких стандартов экономического хозяйствования на рыночных принципах?

Российский социолог А. Бикбов справедливо отмечает, что пока «многие академические авторы продолжают использовать понятие как заемное, что вполне соответствует логике опережающего интереса к нему со стороны политических игроков и международных инстанций» (Бибиков 2014). Поэтому «актуальный» и «проектный» средний класс не обязательно совпадают. Пока даже в академических дискурсах доминируют проектные признаки — «стабилизация политического режима, роль опоры в модернизации «на основе рыночных и демократических принципов», отказ от «экстремистских тенденций» в политике, самостоятельность и ответственность в организации собственной жизни» (Бикбов 2014).

Об актуальном среднем классе пишет автор книги «Восстание среднего класса» Б. Кагарлицкий. Слова «гибкость» и «адаптация» стали ключевыми при характеристике нового среднего класса, но всем ли хорош «пластилиновый человек»? Средний класс соткан из противоречий, ему присущи маргинальность, глухонемота. Презрение к «совку» стало основой морали и идеологии среднего класса» (Кагарлицкий 2012). Либеральный курс, это тупик, — считает Б. Кагарлицкий, — ибо логика рынка — это логика поляризации, логика же социального государства — логика выравнивания, заботы о среднем классе. «Средний класс в незападном мире обречен быть меньшинством, пока неолиберализм», «чем больше становится средний класс, тем

труднее его удовлетворить. Тем больше ресурсов [материальных!] уходит на поддержание его образа жизни» (Кагарлицкий 2012).

Восстание, насилие, пренебрежение правом и т.п. — это ли характеризует средний класс? Кого Кагарлицкий зачисляет в средний класс? Всего лишь финансово преуспевающих. Денежные доходы, даже формальный уровень образования без культурного капитала в лучшем случае дают нам «кандидатов в средний класс». Нувориши — только что разбогатевшие, легально вне высшего класса. Так и те, кто не обладает критической массой культурного капитала при доходах и образовании, оцениваемых как достаточные для представителя среднего класса, пока лишь «кандидаты», специфические маргиналы, способные соблазниться лозунгом «разрушим до основания».

Поиски среднего класса в посткоммунистических странах

По данным Всемирного банка, 80 % белорусов относятся к среднему классу (Доклад... 2014). По этому показателю Республика Беларусь обгоняет все остальные страны со средним уровнем дохода. Такие данные эксперты Всемирного банка получили на основе одного финансово — экономического критерия — к среднему классу они отнесли домохозяйства, чье душевое потребление составляет 10 и более долларов США в день (в пересчете по паритету покупательной способности в неизменных ценах 2005 года). В регионе Европы и Центральной Азии следом за Беларусью идут Литва и Венгрия, где средний класс составляет почти 60 % населения. В Латвии и России на эту категорию приходится около 55%, в Польше — 50 %, в Украине — чуть менее 50%. Замыкают рейтинг Таджикистан и Армения: на средний класс там приходится всего 2—3 % населения.

Заметным контрастом данным экспертов Всемирного банка выступают показатели белорусских социологов. По данным социологических исследований средний класс составляет 17 % от числа респондентов (ноябрь 2013г.). При опоре на данные государственной статистики по денежным доходам населения средний класс увеличивается до 21,6 % от общей численности населения (Соколова 2014).

Данные российских социологов ближе к данным Всемирного банка, при том что при определении доли среднего класса одновременно учитывались четыре критерия:

- 1-душевой месячный доход от медианного и выше;
- 2-образование не ниже среднего специального;

3-нефизический характер труда;

4-самоидентификация (оценка своего социального статуса не ниже «четверки» на десятибалльной шкале статусов). По состоянию на 2014г. численность российского среднего класса по данным директора Института социологии Российской Академии наук М. Горшкова составила 40–42 % населения (Горшков 2015).

Как видим, пока данные о формировании среднего класса достаточно фрагментарны и неполны, для чего используется множество различных теоретических методик и подходов, а в социальной стратификации общества обнаруживаются достаточно необычные группы. Например, председатель Ассоциации социологов и демографов Молдовы В. Мокану, информируя о данных социологического опроса (n=1587 чел.), называет следующие фиксируемые в исследовании группы:

- «высшая социальная группа» – 0,5 %,
- «высокая социальная группа» – 1,5 %,
- «средний класс» – 7,0 %,
- «около среднего класса» – 27,0 %,
- «граждане с низким уровнем дохода» – 48,0 %,
- «очень бедные» – 16,0 % (Смешная 2012).

Большую работу по определению важнейших характеристик нарождающегося среднего класса, как и всей динамики социальной стратификации российского общества проделала Тихонова Н. Мы полностью согласны с ней, что «наибольшие эвристические возможности имеет сравнительно новая для стратификационных исследований «ресурсная» парадигма, разработка которой связана в первую очередь с именами П. Бурдьё, Э. Соренсена, М. Кастельса, У. Бека и ряда других исследователей» (Тихонова 2006). В ее исследовании у населения России оценены 8 ресурсов: квалификационный, физиологический, культурный, экономический, социальный, властный, символический, личностный. В основе расчета индекса ресурсной обеспеченности лежала балльная оценка, которая суммировала значения показателей по 8 шкалам, отражавшим масштаб всех перечисленных выше видов ресурсов. Выделено 11 страт на основе индекса уровня жизни. Страты с 7 по 10, включающие как формирующийся средний класс, так и высшие слои населения (кроме элитных и субэлитных групп, попадающих в 11 страту), имеют заметно более высокие показатели не только экономических, но и квалификационных и культурных ре-

сурсов. При этом доля тех, кто в развитой форме обладает не только культурным, но и квалификационным ресурсом, не превышает 7–8% всего российского населения. Более половины этой группы относятся к 7–11 стратам, которые составляют верхние 20% россиян, что, учитывая дефицитность соответствующих ресурсов в современной российской экономике (или, в более привычной терминологии – востребованность рабочей силы такого качества), не удивительно. Только у 9–11 страт, представляющие верхние 5% населения – «новых капиталистов», неэкономические ресурсы, по оценке Н. Тихоновой, приобретают качество капитала, что на наш взгляд, не очевидно, если берем во внимание социальные и моральные блага.

У Н. Тихоновой присутствует скепсис и относительно возможностей физиологического капитала (капитализация только у выдающихся спортсменов). Но наши данные о трудовой миграции латвийцев это не подтверждают. Во-первых, имеет место конвертация физиологического капитала не только в экономический. Во-вторых, данные по трудовой миграции из Латвии свидетельствуют об обратном – работодателей в странах Западной Европы привлекает прежде всего физические ресурсы трудовых мигрантов, а не уровень их образования или культуры (Menshikov, Vanags, Volkova 2013). Если большинство трудовых мигрантов свое понимание социальной иерархии и жизненной стратегии во многом основывают на своих естественных социально – демографических характеристиках (физическая сила, внешняя привлекательность, ловкость и т.п.), то у тех, кто имеет высокий социальный статус в Латвии, это характеристики противоположного спектра – прежде всего накопленные и успешно реализованные культурные ресурсы семьи, ставшие фундаментом высокой квалификации, креативности, коммуникабельности и других составляющих человеческого капитала. Видимо, во многом прав К. Фрумкин: «Верхнюю половину всякого общества составляют те, для кого предметом труда являются другие люди, те, для кого труд зачастую сводится к коммуникации с людьми. Им противостоят те, кто взаимодействует не с людьми, а с вещами, с неживой материей, с растениями и животными – совсем, что не относится к человечеству как таковому. «Пограничный» труд, предметом которого является внечеловеческая природа, всегда представляется как более тяжелый – причем порою невыносимо тяжелый» (Фрумкин 2011).

В 2005–2007 годы в Латвии был реализован проект Европейского социального фонда «Специфические проблемы рынка труда Латвии

и ее регионов», в рамках которого были оценены элементы конкурентоспособности работника (набор ее качеств и способностей) с двух точек зрения – самооценки работников (n=10177 чел.) и оценки работодателей (n=6066 чел.) (LR Labklajibas ministrija 2007). Факторный анализ социологических данных показал, что на конкурентоспособности работника наиболее сильно сказывается его культурный капитал (соблюдение дисциплины, умение избегать конфликтов, знание иностранных языков, умение сотрудничать, взаимоотношения с коллегами по работе и др.). По оценке респондентов человеческий капитал работника (профессиональные способности, профессиональные знания), как условие его высокой конкурентоспособности, менее значим, чем культурный капитал. Интересно и то, что отвечая на вопрос: «Что Вы готовы делать, чтобы получить себе желаемую работу?», 44,7% опрошенных указали вариант ответа – «улучшить знание иностранных языков» (респонденты с высшим образованием этот вариант ответа выбирали еще чаще – 56,7 %). В свою очередь, вариант ответа «изменить место работы, уехав из Латвии» указывался в два раза реже (23,4 %) (Menshikov 2010).

Поиски среднего класса в Латвии

Первым социологом в Латвии, который достаточно основательно исследовал проблемы социальной стратификации в нашей стране, был Петерис Лакис (Pēteris Laķis). Например, в статье «Социальная стратификация латвийского общества в начале 90-х годов» П. Лакис в основном использовал идеи американского социолога Б. Барбера. В свое время рассматривая динамику социальной структуры западного общества, Б. Барбер выделил 6 стратификационных измерений: престиж профессий, ранжирование по степени власти и могущества, доход и богатство, образование или знания, религиозная или ритуальная чистота, ранжирование по родственным и этническим группам (Барбер 1972).

В свою очередь, П. Лакис выделил 3 наиболее значимых измерения стратификации для Латвии, находящейся в переходном периоде к рыночной экономике: имущественное расслоение, отношение к политической власти и престиж профессий (Laķis 1994).

«Дифференциация населения по материальным доходам реализуется в современной структуре общества: слой богатых, средний класс и бедные», – писал П. Лакис (Laķis 1994). Изучив латвийское

общество в начале 90 — х годов, П. Лакис сделал вывод, что 3 % населения можно отнести к богатым, 12—13 % — к среднему классу, а остальных — к бедному слою населения. П. Лакис подчеркивал, что в 1990—1993 годы дифференциация населения увеличилась, в связи с этим границы стратов стали четче. Эмпирические данные социологических исследований П. Лакиса свидетельствовали, что в латвийском обществе образуется широко распространенная тенденция идентифицировать себя с бедными слоями населения, противоположно большинству жителей США, которые, как правило, ассоциируют себя с определенным слоем материального благополучия, который там — средний класс (Laķis 1994). Однако дальнейшие исследования социологов Латвии такую тенденцию не показали.

Если по очень оптимистическим оценкам экспертов «Обзора развития народа. Латвия. 1999» средний класс составлял 30—35% жителей нашей страны (Latvija. Pārskats... 1999), то по данным социологических опросов Института философии и социологии (ИФС) (Рига) в рамках реализации Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme) самоидентификация со «средним классом» составила в Латвии в 1999 г. 55,7 %, а в 2009 г. — 62,8 % (Меньшиков 2012). Социологические исследования в Даугавпилсе так же показали, что большая часть населения идентифицирует себя со «средним классом»: в 2007 г. — 83,8 % и в 2010 г. — 86,8 % (Меньшиков 2011).

Но действительно ли большая часть нашего общества принадлежит к среднему классу, как это утверждают респонденты социологических опросов? Наш анализ объемов и динамики семейных доходов в Латвии (главный критерий, характеризующий классы) показал, что в период с 2000 по 2009 год наблюдалась позитивная тенденция — средний доход семьи на 1 человека в месяц увеличился с 66 до 248 лат (Меньшиков 2011). Таким образом, увеличение семейного дохода составило 3,8 раза, когда прожиточный минимум увеличился только в 1,9 раз (с 84,47 до 168,17 лат). За это время средний доход в процентах от прожиточного минимума увеличился с 78 % до 133%, а удельный вес семей с доходом ниже прожиточного минимума уменьшился с 81% до 47%. В эти годы мы действительно наблюдаем высокие темпы прироста денежных доходов, что и создает у относительно большей части общества с реально все еще низкими денежными доходами иллюзию видения себя в среднем классе. Настойчивое навязывание банками в этот период ипотечного и потребительского кредита только

усиливало такое заблуждение. Конечно, наш среднестатистический житель не отличается высокой финансовой культурой. Нельзя соглашаться с иллюзиями и относительно его социального статуса.

Согласно данным Всемирного банка ежемесячные доходы среднего класса должны составлять от 3,5 до 8 тыс. долларов США (от 1750 до 4000 лат) на 1 члена семьи (Котова 2008). В Латвии согласно данным социологического опроса 80 % жителей имели семейный доход на 1 человека в месяц 380 лат и меньше, а 40% – доходы ниже прожиточного минимума в 168 лат. Достаточно проблематично даже представителей 5 квинтиля (где доходы в диапазоне от 381 до 3000 лат) отнести к среднему классу. При этом необходимо учитывать и другие критерии выделения среднего класса. Наша первая оценка размера среднего класса в Латвии основывалась на 3-х критериях: семейный доход должен быть выше медианы, уровень образования – высшее и самоидентификация со средним классом. В 2009 году этим критериям соответствовали только 13 % населения Латвии (Меньшиков 2011) – данные опроса «Социальное неравенство III» Международной программы социальных исследований.

Однако и при таком подходе удельный вес среднего класса в нашей стране представлялся завышенным, учитывая относительно низкую величину медианы доходов семьи на одного человека в месяц – всего 198 лат (при прожиточном минимуме 168 лат). 3 критерия (экономический капитал, образование и самоидентификация) не достаточны для ответа на этот вопрос. Под сомнением роль уровня формального образования, когда среди безработных можно встретить и лиц с высшим образованием. Доминантой среди факторов материального успеха (и вместе с тем и более высокой классовой позиции) становится культурный капитал.

Поэтому наши поиски более реальной величины среднего класса и важнейших его характеристик мы продолжим, используя кластерный анализ стратификационных критериев и теорию совокупного капитала.

Основные положения теории и методики социологического исследования совокупного капитала были доложены в докладе «Капитал в социологическом аспекте: теоретическое обоснование исследования и операционные параметры» на IX Международной конференции в Наленчеве (Польша) (Меньшиков 2008). Апробация предложенных индикаторов отдельных видов совокупных ресурсов, процедуры расчета их капитализации позднее была осуществлена в проекте «Пара-

дигмы образования: социологический подход» (Meņšikovs 2009, Menshikov 2011). Методологией (в смысле основных теоретических установок) выступает у нас Пьер Бурдьё, учитывая не только широкую синтетичность его понимания общества, но и его осторожность оценок роли отдельных видов социального пространства при характеристики места того или иного агента в социальной, в том числе классовой топологии. Согласно П. Бурдьё, «позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т.е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п.» (Бурдьё 1993).

В аспекте устойчивого развития среднего класса на первый план выходит накопление и удержание «критической массы» совокупного капитала, все более весомые объемы и доли культурного и человеческого капиталов. А пока обычно речь идет в лучшем случае о финансовых критериях социальной безопасности (минимальный уровень оплаты труда, прожиточный минимум, запас финансовой прочности и др.). В условиях становления экономики знаний, появления примет постиндустриального (сетевое, информационное и пр.) как никогда прежде нужно избегать абсолютизации финансово-экономических критериев классовой стратификации. Даже использование более сложных методов статистического анализа (например, кластерный анализ) может реальную картину классовой дифференциации и не прояснить. Можно ли считать равноценными все критерии социальной стратификации, используемые в кластерном анализе, а если нет, то остается ли один из них доминирующим всегда и во все времена? «На каком-то уровне финансового благосостояния может упасть значимость финансового капитала как стратифицирующего признака, и возрасти значимость капитала социального или культурного. Но их вклад в определение расстояний между кластерами формально останется неизменным», — предостерегает и Н. Бабич, когда пишет о возможностях и определенных ограничениях кластерного анализа в стратификационных исследованиях (Бабич 2012). Логика социального и математика не всегда совместимы. В данном случае, не всегда совместимы модельные предположения иерархических агломеративных алгоритмов (одной из разновидностей кластерного анализа) с задачами изучения социальной стратификации.

Библиография

- Bourdieu P. (1990) In other words: Essays towards a reflexive sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990) (72, c. 318) – Krakauer (2013) “Klasy społeczne współczesnej Polski” – <http://obserwatorpolityczny.pl/?p=9755> (25.03.2015).
- Laķis P. (1994) Latvijas sabiedrības sociālā stratifikācija 1990. gadu sākumā. Latvijas Zinātņu akadēmijas Vēstis. No. 4. Latvijas nacionālais attīstības plāns, 2007–2013 (2007) (In Latvian) Available: http://www.varam.gov.lv/lat/darbības_veidi
- Latvija. Pārskats par tautas attīstību (1999). Rīga: ANO Attīstības programma (UNDP).
- Latvija. Pārskats par tautas attīstību 2012/2013. Ilgtspējīga nācija. (2013) Rīga: LU Sociālo un Politisko pētījumu institūts.
- Lloyd W. (1949) Social Class in Amerika. Chi. TheGreatBritishclasscalculator. www.bbc.co.uk/news/uk-22007058 (10.06.2015.).
- LR Labklājības ministrija (2007) Latvijas un tās reģionu darba tirgus specifiskās problēmas. Jelgava.
- Меңшиков В. (2009) Меңшиков В. Копкапиталс un jaunatnes dzīves stratēģijas: socioloģiskais aspekts. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis*, 2(9): 7–37 lap.
- Menshikov V. (2011) Human capital in the structure of total of a personality: sociological aspect. – Philosophy. Sociology, № 2. Vilnius. p. 149–160.
- Menshikov V., Vanags E., Volkova O. (2013) Sociological interpretations of data on the aggregate capital of regional population (work experience abroad, relation to labour migration, factors of life success). Philosophy. Sociology, № 4. Vilnius. p. 226–236.
- TheGreatBritishclasscalculator. www.bbc.co.uk/news/uk-22007058 (10.06.2015.).
- Аристотель (1983) Собр. соч. в 4 томах. Т. 4. Политика.
- Барбач Н. (2012) Иерархические агломеративные алгоритмы кластер-анализа в исследовании социальной стратификации: проблема адекватности модельных предположений. – http://sociosphera.com/conference/2012/iii_mezhdunarodnaya_nauchnoprakticheskaya_konferenciya_sovremennye_tendencii_razvitiya_mirovoj_sociologii/
- Барбер Б. (1972) Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности. В кн.: Американская социология. Москва: Прогресс. – с. 235–247.
- Беляева Л. (2011) Образование в России и модернизация экономики. Социологические исследования, No 12.
- Биков А. (2014) Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Изд. дом Высшей школы экономики.»
- Бурдые П. (1993) Социология политики. – М.: Социо-Логос.
- Горшков М.К. (2015) Средний класс в России. Социологические исследования, №1, с. 35–44.
- Доклад о развитии экономики России, №31 (2014) Мировой банк. – <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER-31-rus.pdf> (10.02.2015).

- Еврипид. www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid1_6.txt (10.06.2015.).
- Кагарлицкий Б. (2012) Восстание среднего класса. Москва: Алгоритм: Эксмо
- Котова Ю. (2008) РОСГОССТРАХ пересчитал средний класс в России. Бизнес журнал, № 4.
- Куренной В. (2008) Средний класс от Аристотеля до Ивана Ястребцова. — www.chaskor.ru/.../srednij_klass_ot_aristotelya_do_ivana_yastrebtsova (10.06.2015).
- Меньшиков В. (2008) Меньшиков В. Капитал в социологическом аспекте: теоретическое обоснование исследования и операциональные параметры. *Kultura a Ryne*.
- Меньшиков В. (2011) Стратификационные основы устойчивого экономического развития. Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: цели, приоритеты, механизмы структурных преобразований. Материалы докладов международной научно-практической конференции, часть 2. Витебск, Витебский государственный технологический университет. — Стр. 44–49.
- Меньшиков В. (2012) Механизмы стратификации в условиях кризиса. — *Kryzys finansjwy*. Lublin: Wydawnictwo KUL. — p. 10.
- Смешная Т. (2012). Социальная стратификация в Молдове. — «Экономическое обозрение», №3 от 27.01.2012 г.
- Тихонова Н.Е. Социальная стратификация российского общества: ресурсный подход. — www.pandia.ru/text/78/054/17334.php (10.06.2015.).
- Парсонс Т. (2000) О структуре социального действия. Москва: Академический проект.
- Соколова Г. (ред.) (2014) Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении. Минск.
- Фрумкин К. (2011) Жить — тяжело. Экзистенциальная герменевтика феномена жизни. — «Топос», 2011, 5 сентября (<http://topos.ru>) (10.06.013).

In Search of the Middle Class

Summary

The aim of the article is to summarize the experience of the changes in social stratification of different societies, paying special attention to the issues connected with the middle class. The theoretical position of the importance of a better understanding of class stratification itself, a necessity to overcome the financial and economic approach to class-forming criteria is defended. Therefore it is proposed to use the theory of aggregate capital and a cluster analysis of stratification through the prism of the aggregate capital of a family (a person). The empirical data acquired by sociologists from Great Britain, Poland, Russia, Belarus, Moldova and by the experts of the World Bank, as well as the results of public opinion polls in Latvia carried out by the author are used to argue the issues under discussion.

Key words: social stratification, class, middle class, aggregate capital.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье рассматриваются особенности социально-экономической стратификации в Республике Казахстан, в том числе стратификация населения Республики Казахстан по признаку «уровень дохода – индекс качества жизни» (с выделением 5 групп по домохозяйствам и индивидам), а также предложена классификация деления регионов Казахстана по уровню доходов. Используются теоретические и методологические подходы, предложенные Д. Гордоном. Эмпирической базой выступили как данные официальной статистики Республики Казахстан, так и результаты социологического исследования качества жизни населения страны.

Ключевые слова: социально-экономическая стратификация, средний класс, бедные, доходные группы, качество жизни.

В условиях неравномерного распределения доходов, экономических, интеллектуальных, информационных и прочих ресурсов стратификация определяет социальную идентификацию и границы взаимодействия между людьми и группами с различным социальным статусом. Термин «стратификация» используется для того, чтобы охарактеризовать структуру неравенства в обществе, где люди:

- занимают дифференцированные структурные положения;
- находятся в слоях (стратах), которые иерархически оцениваются согласно определенным признанным стандартам.

Как правило, классификации, используемые для описания объективно существующих социальных групп, представляют собой либо одно-, двухмерные либо многомерные структуры. Так как многомерные модели в силу своей сложности не могут выступать отражением существующих именно в сознании людей принципов стратификации общества, на роль общеупотребительной классификации, репрезентирующей представления большинства людей может претендовать двухмерная модель.

Стратификация населения с выделением определенных доходных групп на основании нескольких признаков и описание этих групп важно не только с позиций политической стабильности, но и для

прикладных целей, например более эффективного сегментирования рынка, либо координации социальных программ.

В странах Евросоюза стратификация строится путем расчета относительной черты бедности. Если эквивалентные располагаемые доходы индивида ниже 60% национального медианного дохода (Statistics... 2014), то он признается бедным, так как при таком подходе учитываются не только минимальные потребности для физиологического выживания, но и эксклюзию из социокультурных стандартов и норм общественной жизни (доступ к информации, общению и пр.).

Выделение трех доходных групп населения (низко-, средне- и высокодоходные) позволяет проводить анализ поляризации доходов населения, который принципиально отличается от анализа неравенства в доходах и бедности в том, что изменения в распределении доходов анализируются с акцентом на изменении распределения доходов по сравнению с центром.

Таким образом, изучая изменение трех доходных групп, можно говорить о поляризации общества как проявлении неравенства. При поляризации доходов доли верхней и нижней групп населения растут, в то время как доля средней сжимается. В восприятии людей такая ситуация воспринимается как рост неравенства и при высокой степени может поставить под угрозу политическую стабильность и социальную сплоченность общества. При снижении среднего дохода группы по отношению к двум другим, но без уменьшения доли самой группы, можно говорить о наличии относительной поляризации. В том же случае, когда происходит увеличение доли населения с низким уровнем доходов наряду с уменьшением среднего дохода в этой доходной группе, речь идет об абсолютной поляризации доходов населения.

В основу дальнейших исследований вопросов стратификации казахстанского общества будут положены теоретические и методологические подходы, предложенные Д. Гордоном, позволяющие разбить население на группы по относительному критерию (уровень дохода) и депривационному признаку (количество лишений). В 2000 году Д. Гордон с группой исследователей представил исследование, проведенное в Великобритании, в котором использовался принципиально новый подход к определению черты разделения населения на 2 группы: бедные и не бедные (Gordon2000). При этом подходе комбинировались депривационная и доходная линия бедности, т.е. с одной стороны учитывалось каких необходимых благ лишены домо-

хозяйства, а с другой стороны учитывался уровень доходов. Д. Гордон признает, что в системах стратификации современных обществ материально-экономические элементы никогда не исчерпывают всех ее факторов. Однако в казахстанском обществе решающую роль приобрел именно критерий собственности и доходов, который получил самоценное значение. Материально-экономическое положение людей и групп на какое-то время стало суррогатом идейных и политических критериев, и является основным показателем жизненных достижений.

В Казахстане в настоящее время наблюдается высокая степень расслоения общества на богатых и бедных, и это является одной из наиболее актуальных проблем, особенно учитывая декларируемые правительством идеи социального и экономического равенства казахстанских граждан. Как упоминалось ранее, современные научные исследования выявили: чрезмерное неравенство населения выступает не только дестабилизирующим фактором, создающим потенциальную угрозу возникновения конфликтов, но и негативно влияет на экономические и демографические показатели страны, воздействуя на трудовую мотивацию населения (Бобков 2012, Goebel 2010). В то же время согласно официальным данным Агентства Республики Казахстан по статистике, в период с 1997 по 2012 годы индекс Джини заметно снизился с 0,338 до 0,278, также как и коэффициент фондов (рассчитываемый как соотношение среднедушевых доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) с 10,2 до 5,72. Необходимо также отметить, что по данным официальной статистики среднедушевой доход третьего и четвертого квинтиля (при 20% распределении) превышает величину прожиточного минимума только лишь в 1,5–1,9 раза (Аналитический обзор... 2014), и это говорит о том, что фактически 80% населения республики имеют доходы, не превышающие двухкратной величины прожиточного минимума (на 2014 год прожиточный минимум составляет 19966 тенге или ≈ 85 евро) (Электронное правительство... 2014), половина из которых уязвима по отношению к риску оказаться в категории бедных.

Оценивая стратификацию населения Республики Казахстан в 2013 году по методике Евростат с использованием шкалы, принятой в Германии, можно отметить, что:

- 1) 23,7% населения относится к низкодоходной группе (менее 70% от медианы денежного дохода);
- 2) 56,3% принадлежит к среднедоходной группе;

- 3) 20% относится к высокодоходной группе (свыше 150% от медианы денежного дохода).

Медиана денежного дохода в Казахстане составляет 85 евро на человека и при этом более половины населения Казахстана имели в рассматриваемый период доходы ниже средних значений (рис. 1).

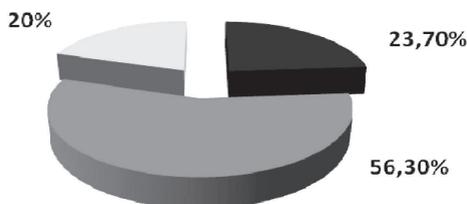

Рисунок 1. Распределение населения по доходным группам в Республике Казахстан в 2013 году

Источник: расчет автора по данным Комитета статистики Республики Казахстан.

За последние 2 года доля домохозяйств с низкими доходами снизилась на 4,2%, но доля высокодоходных семей также сократилась на 1,6%. Расширение среднего слоя косвенно показывает снижение уровня поляризации доходов.

Одной из главных тенденций социальной стратификации современного казахстанского общества является то, что бедные становятся, во-первых, четко обозначенной социальной группой, а, во-вторых, группой сложной по своему происхождению и своим социальным составляющим. Анализ такой группы как интеллигенция выявил раскол постсоветской интеллигенции на богатую верхушку и массы «полунищих» бюджетников, что является одним из наиболее драматических проявлений социального неравенства в современном Казахстане. Последние социологические исследования показывают, что и богатство, и бедность в Казахстане не гомогенны и имеют несколько уровней, которые различаются и по их материальному положению, и по социально-профессиональной деятельности, и по досуговым предпочтениям. Тип досуга и отношение к своему свободному времени становятся неотъемлемыми чертами принадлежности к определенному социальному слою.

В настоящее время проблема среднего класса наиболее остро встает в связи со специфически неустойчивым профилем современной социальной стратификации в казахстанском обществе, тогда как со-

гласно социологическим теориям средний класс является стабилизирующим компонентом системы социальной стратификации.

Несмотря на то, что в казахстанских условиях жизнь среднего класса по количественным характеристикам (набору имущества, уровню дохода и т.п.) очень отличается от жизни среднего класса в Западной Европе и США, массовый средний класс в стране существует, утверждают исследователи Комитета по статистике Республики Казахстан. Результаты проводимых исследований показывают, что в настоящее время не менее 20% казахстанцев относятся к среднему классу. При этом «уровень дохода — это не самый главный критерий выделения среднего класса, первичным является уровень профессиональной квалификации человека. Именно он ведет в конечном счете к соответствующему уровню материальной обеспеченности. Главной проблемой изучения среднего класса в современном казахстанском обществе является неопределенность и многозначность критериев его определения.

В 2013 году в рамках подготовки обоснований инвестиций в модернизацию систем водоснабжения и водоотведения казахстанских городов по бюджетной программе «Ак булак» на 2011–2020 годы» (Постановление... 2011) нами было проведено исследование доходов населения Казахстана (в настоящее время правопреемником этой программы является Программа развития регионов до 2020 года Постановление... 2014).

Правительство Казахстана в настоящее время активно участвует в финансировании строительства объектов жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Развитие экономики государства, улучшение материального положения населения обусловили интенсивное развитие строительства в стране. Строительство признано одним из приоритетных направлений Стратегии развития Казахстана до 2050 года и является одной из наиболее важных задач общенационального характера. От качества проектирования решающим образом зависят эффективность вкладываемых в строительство средств и ресурсов, инвестиционная активность заказчиков, строительная и эксплуатационная надежность объектов, их архитектурная выразительность, решение социальных, экологических и других проблем общества и государства. Для сложных объектов не только строительство, но и проектирование может осуществляться в течение нескольких лет (Шевякова 2014).

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что данное исследование является одним из первых в казахстанской науке, посвященным специальному, целостному и детальному анализу оформления социальной стратификации и неравенства современного казахстанского общества.

Глобальная цель данного исследования – построить наиболее репрезентативную модель системы социальной дифференциации современного казахстанского общества.

Прикладная цель – используя результаты стратификации казахстанского общества выявить риски возможной неоплаты коммунальных услуг населением Казахстана по отдельным городам после реализации проектов модернизации систем водоснабжения и водоотведения за счет бюджетных средств.

Объектом исследования является социальная стратификация и неравенство в современном казахстанском обществе. Исследование проводилось по следующей методике: информационной базой для формирования выборочной совокупности домашних хозяйств служил Регистр жилищного фонда. В генеральную совокупность включаются домашние хозяйства, проживающие во всех типах жилых помещений, за исключением проживающих в общих коммунальных квартирах, общежитиях, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, детских домах, тюрьмах, гостиницах, религиозных общинах и других аналогичных жилых помещениях. Конечной единицей отбора определено домашнее хозяйство, которое является также и единицей обследования.

Размер выборки установлен в 1 200 домашних хозяйств (0,03% от генеральной совокупности). Выборочная совокупность домашних хозяйств была сформирована методом двухступенчатой вероятностной (случайной) выборки с использованием процедур стратификации и случайного отбора на каждой из ступеней формирования выборки. Процедура стратификации нацелена на формирование представительной выборочной совокупности домашних хозяйств, адекватно отражающей территориальные особенности расслоения населения в зоне проектирования. Далее проводилось интервью с представителями выбранных домашних хозяйств. Объем работы каждого интервьюера составляет 300 домохозяйств в течение одного квартала или 100 интервью в течение одного месяца. В качестве интервьюеров использовались студенты и магистранты КУ «Болашак». Проведенное

исследование позволило построить двухмерную модель стратификации населения «уровень дохода — индекс качества жизни».

Для построения стратификации «уровень дохода — индекс качества жизни» нами использовалось два подхода: деление на группы по доходу («выше медианного и ниже медианного») и по индексу качества жизни, основанному на количестве деприваций по методике Гордона. Построение стратификации проходило в несколько этапов:

1 этап. Определение списка базовых потребностей и деприваций для формирования коэффициента качества жизни и проведения стратификации, который включал в себя:

- перечень товаров длительного пользования, которыми владеет домохозяйство, и которые чувствительны к распределению доходов (квинтильные группы). Таким образом было отобрано 5 наиболее значимых показателя: наличие в доме телевизора, холодильника, стиральной машины, пылесоса и компьютера (ноутбука);
- перечень благоустройства жилья, который позволил сформировать также четыре имущественных характеристики домохозяйства: отсутствие/наличие в доме (квартире) центрального отопления, водопровода, телефона, горячего водоснабжения;
- перечень лишений, состоящий из 6 деприваций:
 - 1) иногда у нас недостаточно еды и/или недостаточно ее разнообразие;
 - 2) нет необходимой одежды и обуви для всех членов семьи в зимнее время (в Казахстане температура зимой может достигать -37°C);
 - 3) нет возможности полностью и вовремя оплачивать жилищно-коммунальные услуги и жизненно важные лекарства;
 - 4) нет возможности пользоваться интернетом;
 - 5) не можем покупать детям (себе в случае отсутствия детей) фрукты, лакомства, игрушки;
 - 6) нет возможности приобрести даже дешевую мебель и бытовую технику.

Таким образом был сформирован список лишений, состоящий из 10 различных признаков (6 деприваций и 4 имущественных характеристик домохозяйств).

2 этап. После проверки надежности показателей с помощью коэффициента альфа Кронбаха для формирования коэффициента качества жизни и проведения стратификации были отбраны 15 признаков:

1. наличие стиральной машины;
2. наличие пылесоса;
3. наличие компьютера (ноутбука);
4. наличие холодильника;
5. наличие телевизора;
6. наличие центрального отопления;
7. наличие водопровода;
8. наличие телефона;
9. наличие горячего водоснабжения;
10. иногда у нас недостаточно еды и/или недостаточно ее разнообразие;
11. нет необходимой одежды и обуви для всех членов семьи в зимнее время (в Казахстане температура зимой может достигать -37°C и более 3 месяцев в году ниже -20°C);
12. нет возможности полностью и вовремя оплачивать жилищно-коммунальные услуги и жизненно важные лекарства;
13. нет возможности пользоваться интернетом;
14. не можем покупать детям (себе в случае отсутствия детей) фрукты, лакомства, игрушки;
15. нет возможности приобрести даже дешевую мебель и бытовую технику.

Проведенный частотный анализ показал, что доля домохозяйств имеющих 10 и более лишений, крайне мала и составляет в совокупности 1,8%.

3 этап. Расчет коэффициента качества жизни, согласно методологии, предложенной Д. Гордоном: тем домохозяйствам, у которых было 0 лишений, присваивался индекс 15, у кого одно лишение — 14 и так далее.

4 этап. С помощью методов дисперсионного анализа и регрессионного анализа была определена граница деления авборки на 2 группы (с высоким количеством лишений и низким). И дисперсионный анализ и логистическая регрессия показали один и тот же результат — значение индекса качества жизни, равное 8 и более, является оптимальным для проведения границы. Всего было построено 15 логических бинарных моделей. Бинарная модель определяла к какой группе по индексу качества жизни относится домохозяйство (например, первая группа — домохозяйства с качеством жизни больше 4, вторая группа с индексом качества жизни меньше четырех) в зави-

симоти от среднедушевого дохода, использованного на потребление, количества взрослых и детей в домохозяйстве. Все расчеты проводились с помощью статистического пакета SPSS.

По методологии, принятой Комитетом по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстана, доходы населения включают в себя доходы от наемной и самостоятельной занятости, социальные трансферты и прочие поступления в денежном и натуральном выражении. Расчет осуществлялся согласно Методологическим рекомендациям по организации обследования домашних хозяйств по оценке уровня жизни № 59 от 27.12.2013 (Сайт Комитета... 2014).

Оценка бинарных логических моделей для определения границы деления домохозяйств на группы проводилась по следующей схеме:

- 1) Построение модели и расчет вероятности, с которой можно отнести домохозяйство к той или иной группе. Прогнозируемый тип домохозяйства определялся по значению вероятности p : если $p > 0,5$, то домохозяйство относится к первой группе, если $p < 0,5$ то ко второй.
- 2) Проверка достоверности и точности модели, которая проводилась при помощи меры определенности Nagelkerke R Square. затем при помощи функции приближения подобия оценивается качество регрессионной модели, мерой правдоподобия которой служит отрицательное удвоенное значение логарифма этой функции ($-2LL$, т.е. Log Likelihood).
- 3) Проверка значимости уравнения и полученных коэффициентов при помощи статистики Вальдовского. В ходе построения модели были отобраны только те факторы, которые действительно оказывают влияние на определение группы домохозяйства по доходу. Оценку влияния фактора на зависимую переменную нами определялась через оценки статистической значимости коэффициента, соответствующего этому фактору. Большинство моделей были статистически незначимы, что объясняется низким влиянием независимых переменных на зависимую. Например, расчеты бинарной модели для группы качества жизни < 9 и 9 баллов при невысоком коэффициенте Nagelkerke R Square (0,207) исходя из методики Д. Гордона может считаться достаточно приемлемым для дальнейшего использования и применения модели. Общий процент достоверности модели составил 63,7%, что является по нашему мнению хорошим результатом для моделей подобного рода (см. данные таблицы 1).

Таблица 1

**Коэффициенты сопряженности прогнозных данных модели
и фактических данных**

Показатели	Группы качества жизни (<9 баллов и 9 баллов) – прогноз		Процент корректности, %	
	Группа «низкого качества жизни»	Группа «высокого качества жизни»		
Группы качества жизни» (<9 бал- лов и 9 баллов) – факт	Группа «низкого качества жизни»	3896	1948	66,7
	Группа «высокого качества жизни»	1921	4072	67,9
Общий процент			67,3	

Источник: Рассчитано автором по данным Комитета по статистик Республики Казахстан с использованием пакета SPSS.

4. Проверка ошибок включения/исключения и границы деления на две группы (с высоким и низким количеством лишений) методом построения таблиц сопряженности. Проведенная оценка показывает, что деление на бедные/небедные по абсолютному доходу преобладают в группе до 4 лишений, а приделении по относительному доходу бедные преобладают в группе до 10 баллов. Оптимального значения индекс качества жизни достигает при уровне 9 баллов, дальнейший рост его (то есть увеличение количества благ, к которым домохозяйство имеет доступ) в значительной степени не отражается на делении населения на «бедные» и «небедные» (см. данные таблицы 2).

Таблица 2

**Коэффициенты сопряженности индекса качества жизни и уровня
бедности по величине прожиточного минимума**

Индекс качества жизни	Бедность по величине прожиточного минимума, %		Всего, %
	бедные	небедные	
1	2	3	4
0	50,0	50,0	100
1	75,0	25,0	100

1	2	3	4
2	47,1	52,9	100
3	30,2	69,8	100
4	29,6	70,4	100
5	21,5	78,5	100
6	13,7	86,3	100
7	7,9	92,1	100
8	7,1	92,9	100
9	6,9	93,1	100
10	4,2	95,8	100
11	3,4	96,6	100
12	1,7	98,3	100
13	1,0	99,0	100
14	0,5	99,6	100
15	0,1	99,9	100
Всего	4,9	95,1	100

Источник: *Рассчитано автором по данным Комитета по статистике Республики Казахстан с использованием пакета SPSS.*

Таким образом, на основании использования методов регрессионного анализа была определена черта для деления группы по лишениям:

- группа с низким уровнем качества жизни (домохозяйства, имеющие 6 лишений и выше);
- группа с высоким уровнем жизни (домохозяйства, имеющие менее 6 лишений).

На основании медианного дохода домохозяйства также были поделены на группы с доходом выше и ниже медианного.

Все обследованные домохозяйства были разделены на 4 группы по доходам и индексу уровня жизни для получения более точной картины социально-экономической стратификации в Казахстане, (результаты расчета по данным 2013 года представлены на рисунке 2).

Подобное рассмотрение стратификации как на уровне домохозяйств, так и на уровне индивидов более уместно, в связи с тем что количество лиц в низкодоходных домохозяйствах больше, чем в высокодоходных.

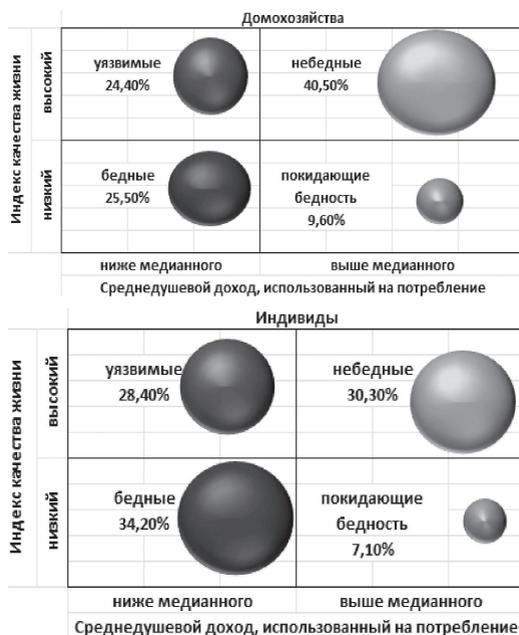

Рисунок 2. Стратификация населения Республики Казахстан в 2013 году по признакам «уровень дохода-индекс качества жизни» (по домохозяйствам и индивидам)

Источник: Рассчитано автором по данным Комитета по статистик Республики Казахстан с использованием пакета SPSS.

Группа «небедные», в которую входят домохозяйства и индивиды с высокими значениями по доходам (потреблению) и по индексу уровня жизни, составила 40,5% и 30,3% соответственно. Это группа, к которой мы относим домохозяйства с низким показателем лишений (т.е. высоким уровнем жизни) и высокими доходами.

Группа «бедные», куда вошли домохозяйства и индивиды с низкими значениями по доходам и индексу уровня жизни, составила 25,5 и 34,2% соответственно.

Группа «покидающие бедность» — домохозяйства и индивиды с высоким уровнем дохода, но низким уровнем индекса качества жизни 9,6% и 7,1% соответственно. Эта группа на момент обследования не является бедной по доходам, но если их доходы останутся высокими, то со временем они смогут приобрести необходимые блага и их каче-

ство жизни вырастет. К сожалению, основная часть этой группы в Казахстане — это сельские жители, чей доступ к благам ограничен неудовлетворительным состоянием инженерно-транспортной инфраструктуры в сельской местности.

Группа «уязвимые» — группа домохозяйств и индивидов с низкими доходами, но высоким индексом качества жизни 24,4% и 28,4% соответственно. Эта группа на момент обследования не испытывает массовых лишений, но при отсутствии роста доходов ситуация изменится к худшему. В Казахстане довольно высокий удельный вес этой группы обуславливается политикой государства, направленной на обеспечение равного доступа к социальным благам (гарантированный объем услуг здравоохранения, образования, качество инфраструктуры в городах и т.д.).

На основании этого можно предположить, что в 2013 году в помощи со стороны государства не нуждалась только треть населения страны, всем остальным в той или иной степени необходима социальная поддержка.

Анализ полученных групп населения показал, что имеется небольшая, но четко выделяющаяся группа населения с доходом выше медианного, не имеющая ни одного лишения. Выделение таких домохозяйств позволило получить пятую группу — состоятельные.

Распределение по группам домохозяйств также отличается от распределения по лицам (рисунок 3).

Группу «бедные» составили 25,5% домохозяйств и 34,2% индивидов, группу «уязвимые» — 23,0% домохозяйств и 26,8% индивидов, группу «покидающие бедность» — 9,5% домохозяйств и 7,1% индивидов, группу «небедные» — 35,0% домохозяйств и 25,2% индивидов. Наконец в группу «состоятельные» вошло 7% домохозяйств и 6,7% индивидов.

Рассмотрим профиль полученных групп. Более 97% домохозяйств из всех групп населения в качестве источника дохода отмечают заработную плату. Социальные трансферты (адресную социальную помощь, пособия) как один из источников дохода домохозяйства получают 40,1% «бедных» домохозяйств и 26,0% «состоятельных».

У 41,1% домохозяйств «покидающих бедность» и 37,4% «бедных» домохозяйств источником доходов также является доход от продажи сельскохозяйственной продукции, в то время как среди «состоятельных» такой источник дохода имеют только 2,8% семей.

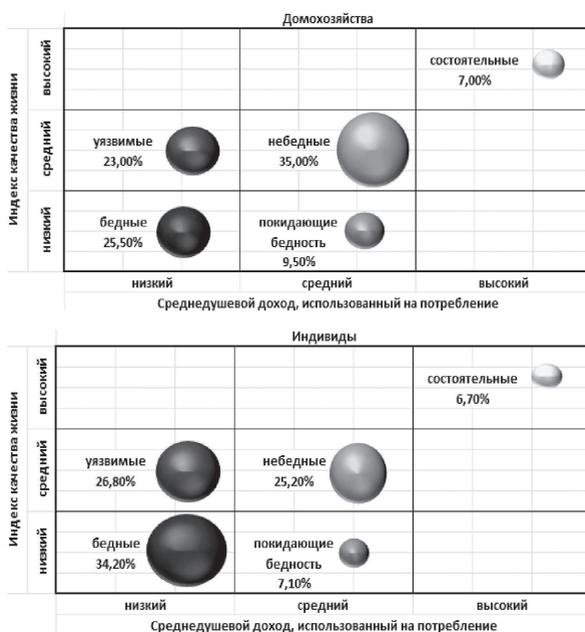

Рисунок 3. Стратификация населения Республики Казахстан в 2013 году по признакам «уровень дохода-индекс качества жизни» (с выделением 5 групп по домохозяйствам и индивидам)

Источник: Рассчитано автором по данным Комитета по статистике Республики Казахстан с использованием пакета SPSS.

Анализ наличия дополнительного жилья (кроме основного) показывает, что дополнительное жилье в 9,4 раза чаще присутствует у «состоятельных» домохозяйств, чем у «бедных». То есть данный показатель напрямую характеризует уровень благосостояния семьи и может быть использован для выделения более высокодоходных групп.

По данным, представленным в таблице 3 можно проследить, где концентрируются различные группы домохозяйств в разрезе места жительства. Так «бедные» домохозяйства преимущественно (85,8%) проживают в сельской местности. Следовательно, в решении проблем бедности (как по доходам, так и по лишениям) Правительству следует сделать упор в первую очередь на решение проблем села.

Таблица 3

Распределение стратификационных групп по типу места жительства

Показатели	Тип местожительства – распределение, %						Всего, %
	Астана ¹	Алматы ²	Большие города ³	Средние города ⁴	Малые города ⁵	Сельская местность	
Бедные	0,2	0,6	6,1	3,6	3,7	85,8	100
Уязвимые	1,2	6,1	44,9	32,1	5,4	10,3	100
Покидающие бедность	0,9	1,3	6,8	3,0	6,2	81,8	100
Небедные	3,5	14,2	47,3	9,3	4,5	21,2	100
Состоятельные	5,0	31,4	52,4	8,6	1,8	0,8	100
В среднем	2,0	8,8	32,7	11,3	4,5	40,7	100

¹ действующая столица Казахстана

² бывшая столица Казахстана (имеет статус города республиканского значения, до сих пор негласно является финансовым центром)

³ 12 городов, население которых превышает 200 тысяч человек

⁴ 13 городов, население которых превышает 50 тысяч человек, но не более 200 тысяч человек

⁵ 59 городов, население которых не превышает 50 тысяч человек

Источник: Рассчитано автором по данным Комитета по статистике Республики Казахстан с использованием пакета SPSS.

Группа «уязвимые» (то есть те, у кого низкий доход, но мало лишней) сконцентрированы в больших (44,9%) и средних (32,1%) городах. То есть степень развития жизнеобеспечивающей инфраструктуры и инженерной и социальной в малых городах и сельской местности остается достаточно низкой, несмотря на предпринимаемые правительством Республики Казахстан шаги. Например, до принятия в 2014 году единой Программы развития регионов до 2020 года, которая вводится в действие с 1 января 2015 года, в Казахстане последовательно реализовывались с 2004 года Программа развития малых городов, далее Программа развития моногородов на 2012–2020 годы, а также с 2004 года Программы развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010, а с 2002 года Программа «Питьевая вода» (которая была направлена именно на решение проблемы питьевого водоснабжения в сельской местности) и «Ак булак».

Представители группы «покидающие бедность» так же сконцентрированы в сельской местности (81,8% домохозяйств). Домохозяйства этой группы имеют доход выше медианного, но при этом испытывают много лишений, в основном связанных с имущественными характеристика имущества (для сельской местности в Казахстане характерно слабое развитие инженерной инфраструктуры, т.е. в большинстве сельских населенных пунктов отсутствует централизованное отопление, горячее и холодное водоснабжение). Также данная ситуация может сложиться, если доход членов домохозяйства растет только в последнее время (например, дети выросли и начали зарабатывать). Если доход таких домохозяйств будет достаточно высоким более продолжительное время, то со временем они перейдут в категорию «небедных».

Таким образом, на основе даже одномоментного обследования уровня жизни можно получить хотя и объективно ограниченную, но важную информацию о структуре населения путем деления его на определенные страты (в данном случае по двум признакам – по доходу и лишениям). Эта методика позволила выделить не только категории бедных и небедных, но также категорию уязвимых и покидающих бедность. Исследование структуры населения по данной методике в динамике позволило бы отслеживать изменения, происходящие в казахстанском обществе и косвенно оценивать эффективность реализуемых бюджетных программ развития. Преимущества данного подхода, с нашей точки зрения, заключаются в том, что:

- он может учитывать мнение населения (список деприваций и появление в нем возможности пользования интернетом как показателя информационной и коммуникационной степени развития общества);
- критерий стратификации устанавливается научным путем;
- дает некоторое представление о динамике бедности, так как позволяет выделить помимо групп бедных и небедных, также категорию уязвимых и покидающих бедность.

Особенности социально-экономической стратификация в Республике Казахстан обусловлены наличием значительного региональной неравномерности в распределении доходов:

- 1) В наиболее выгодном положении находится население столиц: действующей г. Астана и бывшей г. Алматы, которая имеет статус города республиканского значения;

- 2) Следующие по доходности нефтедобывающие регионы, а именно Актауская, Мангистауская и Западно-Казахстанская области (наблюдается очень сильное расслоение уровня жизни населения занятого и нет в этой отрасли);
- 3) Относительно стабильные области Казахстана – Акмолинская, Актюбинская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области.
- 4) Аграрные области с минимальной доходностью – Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Южно-Казахстанская, Алматинская и Кызылординская области.

Неравномерность распределения доходов порождает целый ряд проблем в ведущих регионах Казахстана:

- большие потоки внутренних мигрантов в столицы (г. Астана, г. Алматы) и нефтяные регионы Казахстана из аграрных областей усиливают социальную напряженность. Местное население испытывает сильную конкуренцию как со стороны иностранных, так и казахстанских работников;
- оплата труда в добывающем секторе в 4–7 раз выше, чем в других секторах экономики. Это ведет к резкому расслоению населения. Высокие заработные платы в добывающем секторе при ограниченном предложении товаров и услуг в регионах ведут к росту потребительских цен. Следовательно, происходит удорожание стоимости жизни в данном регионе;
- как следствие сильной дифференциации доходов населения в добывающих регионах Казахстана, наблюдается отток работников из социальной и инфраструктурной сферы, что опять же ухудшает качество жизни населения.

Аграрные регионы Казахстана также сталкиваются с рядом проблем:

- имеется высокая концентрация бедного населения в этих регионах: около 50% бедного населения Казахстана проживают в трех регионах – Алматинской, Южно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях, в этих регионах самая высокая доля самозанятого населения, имеющего нестабильные доходы;
- перерабатывающая промышленность продукции сельского хозяйства недостаточно развита, поэтому для экономики этих регионов характерна низкая прибавочная стоимость и, соответственно, низкий размер заработных плат.

Исходя из вышеизложенного, результаты социально-экономической стратификации населения Республики Казахстан позволяют ориентировать социальную политику не только на непосредственно нуждающихся в защите, но и определять критические группы, что позволит своевременно принимать меры государственной поддержки в целях сохранения политической стабильности и социальной сплоченности казахстанского общества.

Библиография

- Statistics for the European policies // http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Statistics_for_European_policies
- Gordon D., Adelman L., Ashworth K., Bradshaw J., Levitas R., Middleton S., Pantazis C., Patsios D., Payne S., Townsend P. and Williams J. (2000) / Poverty and social exclusion in Britain York: Joseph Rowntree Foundation.
- Бобков В.Н. (2012) Вопросы теории, методологии изучения и оценки качества и уровня жизни населения // Уровень жизни населения: итоги научной деятельности ВЦУЖ за 2011 год, № 6.
- Goebel J., Gornig M., Häussermann H. (2010) Income polarization in Germany is rising // DIV Berlin No. 26/2010 Volume 6, pp. 196–206.
- Аналитический обзор Агентства Республики Казахстан по статистике (2014). Электронное правительство Республики Казахстан http://egov.kz/wps/portal/Content?contentPath=/egovcontent/useful_info/ui_economy/article/article_mci_2012&lang=ru
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 мая 2011 года № 570 «Об утверждении Программы “Ак булак” на 2011–2020 годы».
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 728 «Об утверждении Программы развития регионов до 2020 года».
- Шевякова А.Л. (2014) Особенности аутсорсинга при проектировании строительства в Республике Казахстан. Материалы XV Международной научной конференции «Сеть как пространство социального, экономического и политического сотрудничества в Центральной и Восточной Европе», 26–28 мая 2014 года (г. Наленчув, Польша, Люблинский Католический Университет им. Иоанна Павла II). – 360с. – Том 2. 235–238 с.
- Сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeMethodologySubPage?_afLoop=622555971785#%40%3F_afrLoop%3D622555971785%26_adf.ctrl-state%3Dln69bthi_55

Features of Social-economic Stratification in the Republic of Kazakhstan

Summary

The article discusses the features of the socio-economic stratification in the Republic of Kazakhstan, including the stratification of the population of the Republic of Kazakhstan on the basis of “the level of income, quality of life index” (with the release of 5 groups of households and individuals), and proposed a classification dividing the regions of Kazakhstan in terms of income. The theoretical and methodological approaches suggested by D. Gordon are used. The data of the official statistics of the Republic of Kazakhstan and the results of the sociological investigation of the quality of life of the country’s population were used for the empirical base.

Key words: social-economic stratification, middle class, the poor, income groups, quality of life.

ZIŅAS PAR AUTORIEM

Ingūna JURGELĀNE

Doc., Dr. oec. Rīgas Tehniskā
universitāte, Latvija
Inguna.Jurgelane@rtu.lv

Iveta KĀPOSTA

Doc., Dr. paed., Rīgas
Pedagoģijas un izglītības vadības
akadēmija, Latvija
iveta.kaposta@rpiva.lv

Antanas MAKŠTUTIS

Prof. Dr. habil., The General
Jonas Žemaitis Military
Academy of Lithuania,
Lithuania
antanas.makstutis@gmail.com

Sławomir PARTYCKI

Professor, The John Paul II
Catholic University of Lublin,
Poland
spartyck@kul.lublin.pl

Ewa SIKORA

MA, The John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
sikora_e@wp.pl

Katrine REIMA

Bc., Vidzemes Augstskola,
Latvija
katrine.reima@va.lv

Urszula SOLER

Dr., The John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
ululkie@kul.lublin.pl

Виктор ВОРОНОВ

д.с.н., профессор, Институт
социологии Российской
академии наук, Россия
viktor.voronov@du.lv

Яна ДАШИНА

Аспирант Финансово-
экономического института
Кафедры менеджмента,
маркетинга и логистики
Тюменского государственного
университета, Россия
Power777_06@mail.ru

Владимир МЕНЬШИКОВ

Dr. sc. soc., профессор,
руководитель Центра
социальных исследований
Даугавпилсского университета
vladimirs.mensikovs@du.lv

Анна ШЕВЯКОВА

к.э.н., PhD
Карагандинский университет
«Болашак», Республика
Казахстан
shevyakova.anna@gmail.com

AUTORIEM

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 6–7 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*Win Word 2000/XP*); burtu lielums – 12 punkti. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sākumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jāsatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (apreķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem, sūtot uz e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

Bibliogrāfiju (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānoformē precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voo Brazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. Pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitates daudzvalsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp.* (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii, № 1, str. 37–67.* (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis, 8. marts.* (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

Bibliogrāfija sakārtojama autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) **latīņu** alfabēta secībā.

FOR AUTHORS

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 6–7 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using *Times New Roman* (*Win Word 2000/XP*); the size of letters 12. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph should be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article). Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tabels, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Миллс 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

Bibliography (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologicheskoye vobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. Pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitātes daudzvalsība Zviedrijas latviešu dzīvēstāstos. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. Lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

Bibliography should be compiled in the **Roman alphabet's** order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

АВТОРАМ

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Объём статьи: 6–7 стр. (формат А4).

Манускрипт статьи подаётся по электронной почте ikgadeja.konference@du.lv. При наборе текста использовать шрифт *Times New Roman (WinWord 2000/XP)*; размер букв 12. Если используются специальные компьютерные программы, то они подаются вместе со статьёй.

Аннотация статьи: в начале статьи сразу после названия размещается информационная аннотация. В аннотации необходимо указать цель и задачи, сформулировать проблему исследования, показать новизну и привести главные выводы. Отдельным абзацем указываются ключевые слова (термины, которые раскрывают сущность вопросов, рассмотренных в статье). Необходим также перевод данных ключевых слов на язык, на котором написано резюме статьи.

Резюме статьи: для статей на латышском языке резюме подготавливается на английском или русском языке; к статьям на английском языке резюме подготавливается на латышском или русском языке; к статьям на русском языке резюме подготавливается на латышском или английском языке.

Язык статьи: литературный, терминологически точный. Если автор готовит статью на иностранном языке, то о редактировании языка должен заботиться сам автор, консультируясь у специалиста соответствующей отрасли социальных наук. *Статьи, в которых язык не будет соответствовать правилам правописания, не будут приниматься к рассмотрению и рецензированию.*

Научный аппарат статьи (ссылки и примечания, библиография, таблицы, схемы, диаграммы, графики и т.д.). Ссылки в тексте статьи оформляются по следующему образцу: (Turner 1990); (Миллс 1998); (Bela 1997). Примечания и пояснения размещаются в конце статьи. Таблицы, графики, схемы, диаграммы и другой иллюстративный материал оформляется, указывая источник материала, при необходимости указывая методику (расчёта, суммирования данных и т.д.)

формирования таблиц, графиков, схем. Все материалы данного типа должны иметь порядковый номер и заголовок. Для материалов должна быть сделана электронная версия, которая подаётся в Редакцию на электронную почту ikgadeja.konference@du.lv

Библиография (список источников использованных в статье) составляется и оформляется в соответствии со следующими образцами:

Для монографий (книг и брошюр):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Для статей из сборников:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Оуен, Е., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. Pp. 134–150.

Для статей из журналов:

Bela, B. (1997) "Identitātes daudzumsība Zviedrijas latviešu dzīvēstāstos." *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. A, 51, Nr. 5/6: 112–129.

Для статей из газет:

Strazdiņš, I. (1999) "Matemātiķi pasaulē un Latvijā." *Zinātnes Vēstnesis*, 8. marts.

Для материалов из интернета:

Soms, H. "Vēstures informātika: Saturs, struktūra un datu bāze Latvijas dati." <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (2002. 20. 10).

Библиография составляется по фамилиям авторов или названиям трудов (если автором является институция) в соответствии с **латинским** алфавитом.

Maketētājas: Vita Štotaka, Marina Stočka

Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Parakstīts iespiešanai 30.09.2015. Pasūtījuma Nr. 45.
Iespiests DU Akadēmiskajā apgādā "Saule" —
Saules iela 1/3, Daugavpils, LV-5401, Latvija.